

Никита Игнатьевич Салов-Астахов

Юдифь

Никита Игнатъевич Салов-Астахов

Юдифъ

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

УДК 821.161.1'06(477)-31-97

ББК 84(4Укр=Рос)6-44

С16

Директор *П. Давидюк*
Ответственный за выпуск *В. Цорн*
Художник *Е. Михайлова-Родина*
Редактор *Т. Головина*
Корректор *Э. Цорн*
Компьютерная вёрстка *Т. Крук*

Н. И. Салов-Астахов

С16 **Юдифь:** Повесть — К.: Свет на Востоке, 2016. — 176 с. с илл.

ISBN 978-966-2089-87-5 (Укр.)

ISBN 978-3-944772-15-8 (Герм.)

Первые годы советской власти. Еврейская девушка Юдифь обратилась ко Христу и была изгнана из родительского дома. От неё отвернулись друзья, родные сёстры, её оставил жених, от неё отказались родители. Она несла людям весть о Христе и осталась верной Ему до конца, даже ценой своей жизни.

Изд. № 01.543

ISBN 978-966-2089-87-5 (Укр.)

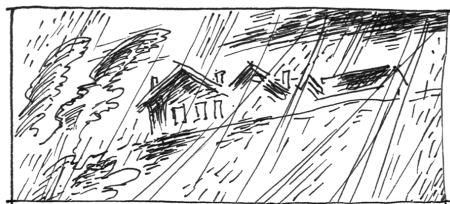
ISBN 978-3-944772-15-8 (Герм.)

© «Свет на Востоке», 2016.

*«Не бойся ничего, что тебе
надобно будет претерпеть...*

*Будь верен до смерти,
и дам тебе венец жизни»*

ОТКРОВЕНИЕ 2:10

Оглавление

Глава 1. В доме родителей.....	5
Глава 2. Беженцы.....	33
Глава 3. Ищите и найдёте.....	47
Глава 4. Гонимая за имя Христа.....	83
Глава 5. Посвящённая Иисусу.....	135
Глава 6. Юная мученица.....	157

Глава 1

В доме родителей

*Любимая дочь.
На даче. Беседа раввинов.
Кто был Иешуа?*

Жизнь в доме крупного оптового купца-мануфактурщика Вейнберга текла обычным порядком. При умелом ведении дела, его торговый оборот увеличивался с каждым годом, а в последнее время всё шло даже как-то особенно бойко. Но материальное благополучие не составляло главного в жизни супругов Вейнберг: их главным сокровищем были три милovidные дочери, наполнявшие радостью сердца родителей. Все их заботы были сосредоточены на воспитании девочек. Родители старались привить им

добрые еврейские обычаи и принципы жизни, вселяли в их сердца веру в благословенного Иегову, Который в прошлом оказывал так много помощи верным Ему израильтянам.

Из древнего рода Вейнбергов вышло немало стойких раввинов, защищавших и свято оберегавших отеческие религиозные предания. Мужей этого рода можно было с полным правом назвать носителями религиозной жизни, каких уже мало осталось среди этого народа, всё более терявшего свои религиозные ориентиры.

Иногда супруги Вейнберг глубоко скорбели о том, что Бог не дал им сына-наследника, который продолжил бы их древний род. Но такие минуты случались редко, потому что три весёлые и резвые дочурки всегда умели развеять их грусть. Как весенние птички, они наполняли своим весёлым щебетаньем весь дом и сердца родителей.

Особенной радостью супругов была их старшая, самая любимая дочь Юдифь, которая с ранних лет показывала особые способности. Раннее влечение маленькой Юдифи к религии и её, не по летам, серьёзные вопросы о Боге, зажгли в сердцах родителей надежду на то, что она станет со временем истинной носительницей их религии и отеческих преданий. До мельчайших подробностей расспрашивала девочка родителей об обрядовой стороне их религиозной жизни.

Древнееврейские обычаи свято оберегались и строго соблюдались в этом семействе. Во время празднования Песаха отец обыкновенно рассказывал своим любопытным дочуркам о великом значении этого праздника для евреев. Он говорил им о том, что в седой древности их предки долгое время были рабами сурового и беспощадного тирана, египетского фараона; в одну историческую ночь бдения евреи, по повелению благословенного Иеговы и под водительством знаменитейшего еврея и пророка Божия – Моисея, с сумами за плечами и посохами в руках, окружённые детьми, впервые ели пасхального агнца с пресным хлебом и горькими травами. А в это время ангел смерти, проходя по Египту, убивал всех египетских первенцев, начиная с детей рабов и до сына самого фараона.

Впоследствии, когда евреи освободились из египетского рабства, Бог заповедал им праздновать Песах каждый год – 14-го Нисана, в память этого великого и славного события.

Юдифь, внимательно следившая за рассказом отца, прерывая его, спросила:

– Папа, а почему ангел убивал только египетских детей, разве еврейские были лучше египетских?

– Да, дитя моё, – ответил немного растерявшийся от такого вопроса Вейнберг, – дети евреев были лучше для Иеговы, да и все евреи лучше египтян. Поэтому Он избрал евреев Своим народом, который служил бы

Ему, истинному Богу. А все другие народы, в том числе египтяне, служили мёртвым идолам, что Богу было очень противно.

– Папа, а что такое «идол»? – продолжала спрашивать любопытная Юдифь, смотря на отца пытливыми глазами.

– Ты, как видно, хочешь узнать всё сразу, дитя моё, – заметил, улыбаясь, Вейнберг.

– Да, папа, я всё хочу знать, и ты нам всё расскажешь! Не правда ли, милый папа? Ведь ты такой добрый и всё знаешь!

– Да, папа, ты – добрый! – дружно подхватили остальные дочери. – Расскажи нам, что такое «идол», мы все хотим знать.

– Идол, дети, это какой-либо предмет, который человек любит больше, нежели Бога, преклоняется перед ним, как перед Богом, молится ему. А нам Иегова говорит через наших благословенных пророков, чтобы мы возлюбили Господа Бога всем сердцем нашим и всею душою нашею. Египтяне же имели много идолов: молились солнцу, большому быку Апису, крокодилу; считали священной реку Нил и поклонялись многим другим предметам.

– Папа, а если я тебя и маму люблю больше, чем Бога, это тоже нехорошо?

– Ах, Юдифь, у тебя так много вопросов, что я не могу дать тебе ответ сразу на всё. Это я сделаю, может, в другой раз. А теперь послушайте, как Бог

наказывал египтян-идолопоклонников и помогал евреям, потому что они Его любили и молились Ему одному.

И Вейнберг начал рассказывать дальше библейскую историю о выходе евреев из Египта, мастерски иллюстрируя её талмудическими легендами и народными преданиями. Следя за рассказом отца, Юдифь прервала его новым вопросом:

– Папа, а почему евреи в ту ночь должны были убить и есть маленького ягнёночка? Зачем они его убили, ведь ягнёночек такой хороший? Какие жестокие люди! Я бы никогда не убила ягнёночка, и ты, папа, тоже не убил бы его, правда?

– О, Юдифь! – воскликнул, уже смеясь, Вейнберг. – Ты в один вечер хочешь стать, как твой дедушка, мудрым раввином! Всего сразу узнать невозможно.

– А почему, папа? Я хочу всё знать. Так почему же евреи должны были тогда убивать ягнят?

– Хорошо, – ответил отец. – Вот летом я отправлю вас с мамой на дачу к дедушке, и там ты задавай ему сколько угодно вопросов – и о ягнёночке, и обо всём, что тебя интересует. Дедушка всё знает и всё сможет тебе объяснить.

Глаза трёх дочерей загорелись от радости.

– К дедушке! К дедушке! – закричали они дружным хором.

Девочки уже несколько раз гостили вместе с мамой у дедушки, иногда месяцами. Юдифь помнила, как

к нему часто приезжали другие, такие важные, ещё более седые, чем дедушка, раввины, с которыми он проводил в беседах целые дни, а бывало, даже ночи. Она слышала, как они иногда о чём-то сильно спорили и даже кричали. При этом раввины произносили имена Моисея и Иешуа. В связи с последним именем Юдифь нередко слышала слова: обманщик, самозванец. Тогда она боялась спросить дедушку, о ком они говорят, кто этот «Иешуа-обманщик». Но теперь, при новом посещении, она обо всём его расспросит, поскольку отец ей это разрешил.

Приближалось лето, и в городской гимназии, которую посещали все три дочери, прекратились занятия. Наступили летние каникулы, и дети могли оставить пыльный город и уехать на лоно природы. В загородных лесах к пению птиц присоединился теперь весёлый щебет детских голосов.

Однажды, вскоре после окончания школьных занятий, в доме Вейнберга началось настоящее столпотворение. Около парадного подъезда стояла просторная карета, запряжённая парой хороших лошадей. Уже наполовину она была загружена коробками и чемоданами различной величины и формы. Привычный к переездам кучер старался всё тщательно уложить, чтобы оставить более удобные места для сиденья. В доме раздавался смех, дети радостно бегали с одного этажа на другой. Одна из девочек забыла, куда спрятала свою любимую куклу, другая не знала,

куда положила пакет с подарками для бабушки и бабушки.

В этот день в комнатах был полный беспорядок. Мать хваталась то за одно, то за другое, совершенно не зная, как всё успеть. Дочери старались помочь ей при упаковке нужных для лета вещей, но вместо этого мешали друг другу и прислуге. В чемодан с лучшими платьями полетели только что намазанные кремом и вычищенные ботинки, а в корзину с дорожными продуктами забралась шляпа госпожи Вейнберг, которую та вынуждена была искать полчаса, чтобы надеть в дорогу.

Наконец усталая мать уселась вместе с дочерьми в карету. Давид Вейнберг остался дома. Торговые дела удерживали его на месте. Простившись с женою и детьми, пообещав часто их навещать, он приказал кучеру ехать.

* * *

Красивый двухэтажный дом в лесу преобразился. Его владелец, раввин и лесопромышленник Вейнберг, ещё довольно бодрый старик, вот уже несколько лет жил в нём со своею женою совершенно одиноко. Оба его сына, имевшие каждый своё торговое дело, имели семьи и жили вдали от него.

Обыкновенно в их доме царил тишина. Старый Вейнберг целыми днями просиживал в конторе или с Торой и Талмудом в руках закрывался в своём кабинете.

Но сегодня всюду раздавался шум, слышался звонкий, весёлый детский смех. Приехавшие из города со своею матерью три внучки Вейнбергов спешили преподнести подарки, приготовленные для дедушки и бабушки, и, перебивая друг друга, рассказать им городские новости, похвалиться своими школьными успехами.

Для детей настало чудесное время. Целыми днями они могли бегать по лугам, собирая цветы, которыми, как роскошным ковром, были убраны прилегающие к усадьбе окрестности. С головками, украшенными цветочными венками, они порхали, как разноцветные майские мотыльки. Вместе с детьми и взрослые предавались наслаждениям летней жизни на природе.

Через некоторое время после приезда весёлых и шумливых внучек Вейнберга посетили два давно знакомых ему раввина из соседнего города. Весь день они провели в оживлённой беседе. Женщины и дети в это время были заняты своими делами, только Юдифь, оставши от сестёр, старалась быть вблизи беседовавших раввинов, вслушивалась в каждое их слово.

Заметив любопытство внучки, Вейнберг сделал ей замечание: беседа раввинов не может быть интересна для детей, лучше ей вместе с сёстрами и матерью слушать пение лесных птиц и собирать красивые цветы.

Совет дедушки не понравился Юдифи, ей хотелось больше слушать беседу раввинов, чем пение птичек, но возражать при других она не решалась и вышла

из комнаты. Из уловленных ею слов девочка поняла, что беседа шла о Боге, законе и каком-то Иешуа. Обо всём, что она услышала в этот день, Юдифь решила спросить дедушку, как только уедут эти чужие люди. Она вспомнила беседу с отцом во время последнего празднования Песаха, отец разрешил ей тогда расспрашивать дедушку о всех интересующих её вопросах. Теперь для этого настал удобный момент, и девочка решила исполнить своё намерение при первой же возможности.

После ужина и короткой прогулки на свежем воздухе вместе с сёстрами Юдифь отправилась в свою спальню, находившуюся на втором этаже. Был тёплый вечер, аромат цветов, разливаясь в воздухе, через открытое окно наполнял всю комнату. Младшие сёстры, набегавшись за день по лугам и лесу, быстро уснули сладким, здоровым сном, но Юдифь долго не могла уснуть. Её живой ум работал непрерывно. Мысли о Боге, разговоре дедушки с приезжими раввинами, с которыми он спорил о Иешуа, не давали ей покоя и прогоняли сон.

К тому же через открытое окно до неё доносился оживлённый разговор; слышен был голос дедушки, переходивший иногда в сильный крик, а также возгласы других людей. Лёжа в постели, Юдифь не могла слышать, о чём шёл разговор. Ею начало овладевать всё большее любопытство, хотелось узнать, о чём же так оживлённо говорят внизу.

Девочка знала, что подслушивать – нехорошо, но любопытство в конце концов взяло верх, и она подошла к открытому окну. На нижнем этаже, как раз под её окном, находился кабинет дедушки. Окна кабинета были открыты, и она могла теперь ясно слышать весь разговор.

С первого же момента девочка поняла, что речь шла всё ещё об Иешуа. Теперь один из раввинов говорил, что Иешуа был действительно Мессией Израиля, Которого евреи отвергли, не познавши Его. А дедушка и другой раввин старались доказать ему, что Иешуа был лишь ловким самозванцем и обманщиком. Та и другая сторона ссылались при этом на предсказания Моисея и других еврейских пророков. Разговор иногда переходил в яростный спор и крик. Юдифь поняла, что дедушка и другой, разделявший его мнение раввин, не найдя, что отвечать, начинали неистово кричать. А второй раввин, напротив, призывал к спокойствию, здравому рассуждению и более серьёзному и беспристрастному исследованию Писания, пророков.

– Быть может, нам придётся сознаться в роковой ошибке наших отцов и, раскаявшись, принять Иешуа как обещанного, пришедшего, но по ошибке отверженного Мессию, – сказал он.

Почти всю ночь просидела Юдифь на подоконнике открытого окна, слушая беседу на давно интересовавшую её тему. Следя за прениями обеих сторон, она

поняла, что когда-то в еврействе произошла страшная ошибка, которая продолжается до сегодняшнего дня, и об этой ошибке знают и говорят между собою одни лишь раввины, не желая открыть эту тайну другим. Она поняла, что еврейский народ отверг своего Мессию...

Вместе с этим Юдифь неожиданно получила ответ на интересовавший её уже давно вопрос, который она задавала отцу: почему евреи в ту историческую ночь выхода из Египта должны были убить невинного агнца? Теперь она услышала, как споривший с дедушкой раввин доказывал, что агнцы, закланные в ту ночь в Египте и во всех других израильских жертвоприношениях, были лишь символами и прообразами Иешуа, о Котором говорит пророк Исаия в 53-й главе. В тот момент, когда ангел смерти поражал египетских первенцев, за евреев принял смерть агнец, который являлся как бы их заместителем. Так и Иешуа должен был как Агнец Божий умереть за народ.

Она слышала, как дедушка спросил:

– Если это так, то что мы должны теперь делать, как поступить?

– Это покажет будущее, – ответил раввин. – Но мы должны быть честными, а значит, более тщательно и беспристрастно исследовать Писания. Надеюсь, тогда мы сможем поступить благоразумно. Этот вопрос очень серьёзен для нашего народа, его следует глубоко и серьёзно обдумать!

Наступило утро. На небе загорелась заря, в кустах недалеко от дома разливалась трель соловья. Стало прохладно, а Юдифь всё ещё сидела на подоконнике, слушая интересную беседу. Младшая сестра проснулась и, увидев её, спросила:

– Юдифь, почему ты не спишь?

Юдифь смутилась и, боясь сказать правду, ответила:

– Послушай, Руфь, как чудно поёт соловей!

– Для меня сон милее соловьиных песен, – кутаясь в одеяло, со смехом ответила Руфь.

– Это правда, моя сонливая сестричка, – сказала Юдифь, направляясь к своей постели.

Уставшая от бессонной ночи, продрогшая у открытого окна, она быстро забылась в тревожном сне. Но и во сне она всё ещё продолжала слышать раввинов, споривших об Иешуа. Её сердце сжималось от боли при мысли о том, что евреи были так жестоки и убили Его, кроткого и невинного Агнца, убили Того, Кто пришёл дать счастье Израилю. Во сне она сама начала защищать Иешуа, убеждая дедушку, отца, мать, сестёр и других евреев признать Иешуа как своего Мессию. Ей казалось, что она сумеет убедить их всех. Но вот подходит дедушка и, глядя на неё сердитыми глазами, начинает страшно кричать: «Отступница, еретичка, оставившая веру своих отцов! Таких, как ты, нужно побивать камнями!» От этих слов ей стало так страшно, что она рванулась в сторону, чтобы уйти от разгневанного дедушки, и проснулась.

Открыв глаза, девочка увидела стоявшую у её постели мать.

– Что с тобою, Юдифь? Что тебе приснилось? С кем ты воевала во сне? Ты так много говорила и так волновалась, что тяжело было смотреть на тебя.

– Ах, мама, я видела многих людей вокруг себя и хотела всем им сказать, чтобы они любили Бога и слушались пророков, через которых Он говорит к народу.

– Что за странные сны беспокоят тебя! Пускай бабушка и другие наши мудрые раввины рассуждают о Боге, а нам с тобой не стоит думать об этом.

– Почему же, мама, этот вопрос могут решать только раввины? Разве другие люди не могут интересоваться этим? – спросила Юдифь, глядя на мать.

– Моя милая, другие люди, конечно, тоже могут думать и говорить об этом, но чтобы знать что-либо о Боге, необходимо, прежде всего, хорошо изучить Тору и книги пророков, без чего невозможно правильно рассуждать о Нём. Бабушка и другие раввины очень хорошо знают Тору и Писания пророков.

– А как ты думаешь, мама, можно изучать Тору и всё-таки не знать Бога, не быть Ему послушным?

– Юдифь, ты становишься странной... Кто внушает тебе такие мысли? Оставим это на другой раз, а теперь – вставай поскорее! Уже почти полдень, все давно выпили кофе и, наверно, ушли в лес. Сегодня такая чудесная погода! Я послала Руфь, чтобы она разбудила

тебя к завтраку, но она сказала, что ты почти всю ночь просидела на подоконнике, слушая пение соловьёв, поэтому тебе нужно подольше поспать.

– Да, мама, я вчера долго не могла заснуть, – ответила, покраснев, Юдифь. – Но теперь я хорошо выспалась и через несколько минут буду готова.

С этими словами девочка бросилась на шею матери, сидевшей на краю постели, и осыпала её лицо поцелуями.

День прошёл довольно весело. После обеда все вместе с дедушкой и бабушкой отправились на прогулку. Приезжие раввины уехали на станцию рано утром, к восьмичасовому поезду. Видя сильную усталость дедушки и зная, что он не спал всю ночь, Юдифь в тот день не решилась беспокоить его вопросами. Но в душе девочка хотела расспросить его ещё о многом, когда представится случай. В особенности ей хотелось узнать подробно, где и когда жил Иешуа, как прошла Его жизнь и какую смертью Он умер. Этот вопрос всё более и более захватывал её.

Прошло несколько дней. По обыкновению вся семья собралась после ужина на веранде. Был тёплый летний вечер, в кустах заливались соловьи. Дети играли, женщины о чём-то беседовали, старик Вейнберг сидел в глубоком плетёном кресле, устремив задумчивый взор на последние лучи вечерней зари.

Наблюдавшая за ним Юдифь решила теперь расспросить его обо всём, что её интересовало.

– Почему ты, дедушка, так задумчиво смотришь на небо? – сказала, улыбаясь, Юдифь. – Наверно, думаешь о нём?

– Да, дитя моё, – ответил Вейнберг, – я действительно в эту минуту думал о небе.

– Дедушка, милый, расскажи мне что-нибудь о небе и Боге. Папа и мама не раз говорили, что ты много читал, много знаешь, а я тоже хочу больше знать о Боге. Папа разрешил мне расспрашивать тебя обо всём, что я хочу знать, и ты тоже позволишь мне это, не правда ли, дедушка?

– Да, девочка моя, я очень много читал и изучал в своей жизни, и я охотно отвечу на твои вопросы. Что же ты хочешь от меня узнать, что тебя больше всего интересует?

– О многое, многое! – воскликнула внучка, глядя на него радостными, благодарными глазами. – Если ты мне разрешишь, я сейчас же начну тебя расспрашивать!

– Хорошо, Юдифь, спрашивай, только не всё сразу, – согласился он, улыбаясь.

– Ну вот, опять какие-то философские вопросы о Боге, – услышав разговор, заметила мать Юдифи. – Она так часто надоедает нам этими вопросами, что просто беда! Если бы она была мальчиком, то обязательно стала бы мудрейшим из раввинов.

– Мама, не перебивай! Теперь я уже не тебя спрашиваю, а моего мудрого дедушку! Сейчас я хочу быть

его прилежной ученицей и обещаю всё выслушать с большим вниманием.

С этими словами Юдифь пододвинула свой стул ближе к дедушке, положила свои руки к нему на колени и, глядя на него, весело добавила:

– Теперь предисловие окончено, начинаются вопросы!

– Тогда скорее спрашивай, – заметил, улыбаясь, Вейнберг, – а то твоё предисловие будет продолжаться до тех пор, пока я не пойду спать.

– Хорошо, дедушка, первый вопрос: кто был Иешуа, что это за человек? Где Он жил и что с Ним случилось?

Лицо старого раввина приняло серьёзное выражение. Строго взглянув на внучку, он сказал её матери:

– Да, это верно, Юдифь интересуют слишком трудные вопросы...

– А почему, дедушка, этот вопрос труден? Я думала, что для тебя всё легко. Папа говорил, что ты всё знаешь, – снова сказала внучка.

– Знаешь, дитя моё, этот вопрос меня ничуть не затрудняет, но не всякое знание бывает полезно. Но если ты уж так хочешь знать, я, пожалуй, расскажу тебе. Вот уже скоро две тысячи лет как наши предки-евреи жили в своей дорогой, данной им Самим Богом стране – Палестине. Тогда они не были ещё так рассеяны, как теперь, по всем странам.

– А разве Россия – не наша страна? – перебила его любопытная Юдифь.

– Нет, внушка, Россия – не наша страна, это страна идолопоклонников, гоев. Наша же родная, данная нам Богом страна – Палестина, где жили наши отцы, славные цари и пророки. В последнее время своего существования наша страна оказалась под властью сильных тогда язычников – римлян, очень жестоких и несправедливых к нашим предкам. Им не нравилось то, что мы молились и служили истинному, живому Богу, сотворившему небо и землю. Мы не признавали их богов, не преклонялись перед ними. Евреям было тогда очень тяжело – римляне оказались сильнее. Но Иегова дал Своему народу чудное обещание, что Он в своё время пошлёт народу Помазанника, Мессию, Который освободит евреев от притеснителей и будет царствовать со Своим избранным народом над всей землёй.

Эта чудная надежда всё время жила и живёт ещё поныне в сердцах истинных сынов Израиля. О ней говорили наши благословенные пророки, начиная от Моисея. И вот, незадолго до нашего рассеяния, среди народа появился еврей, сын бедного плотника из маленького городка Назарета, Который выдавал себя за Мессию Израиля, т. е. за Того, о Ком Бог говорил устами Своих пророков. Имя этого еврея – Иешуа.

Многие евреи были обольщены и увлечены Им, начали почитать Его за Сына Божия. Вся Палестина пришла в сильное движение: Его влияние на народ быстро усиливалось, Его приверженцы со дня на день

ожидали, что Он объявит Себя Царём Израиля, а их сделает Своими приближёнными, соправителями всемирного Царства. Но мудрые люди того времени увидели в Его учении и влиянии на народ большую опасность. Они предвидели, что если об этом движении узнают римские власти, то придут ещё в большем количестве и разрушат славный город Иерусалим и величественный храм, гордость еврейского народа.

Поэтому было созвано экстренное совещание мудрейших старейшин Израиля, на котором был поставлен вопрос: что делать и как предотвратить надвигающуюся неминуемую грозу. И вот мудрейший первосвященник того времени – Каиафа дал совет: лучше погубить одного человека, чем погибнуть всему народу. Этот совет был принят, за малым исключением, всеми старейшинами, и там же было решено умертвить самозванца Иешуа. В это время Он с толпою Своих учеников находился в Галилее, и Его ожидали на предстоящий праздник Пасхи в Иерусалим.

Заговор этот был очень мудр и удачен, хотя о нём знал и Сам обманщик и Его сообщники. Но Он не боялся этого постановления – видно, рассчитывал на поддержку простого народа и его защиту. Но старейшины решили осуществить свой план очень осторожно. Чтобы не произвести возмущения в народе и чтобы люди не могли защитить Его, было решено произвести арест ночью. В этом заговоре принял участие

и оказал большую услугу старейшинам один из Его сторонников, который был недоволен своим вождём, и он обещал выдать Его старейшинам.

Иуда, так звали Его бывшего сообщника и ученика, в назначенный вечер провёл посланных первосвященником людей в потаённое место в Гефсиманском саду, где Иешуа часто проводил ночи со Своими учениками. Там самозванец и был схвачен. После ареста все Его сообщники – вместо того, чтобы защитить своего вождя, сами бежали в разные стороны, прячась где попало.

Первосвященник, вместе со старейшинами, и весь благоразумный народ добились от Пилата, бывшего в то время римским наместником в Иерусалиме, чтобы он утвердил смертный приговор Иешуа, вынесенный синедрионом. Наш народ в те дни не имел даже власти судить своих преступников. Вот в каком унижении находились тогда евреи! А когда, наконец, смертный приговор был подписан, самозванца вывели из Иерусалима, прибили Его руки и ноги большими гвоздями к деревянному кресту. Там Он и умер.

Его тело, как подобает преступникам, должно было быть выброшено в долину Гиннома, на съедение псам. Но тут произошла страшная, роковая оплошность со стороны старейшин. Прежде чем они могли убрать, куда нужно, мёртвое тело, один из Его сообщников, который был даже членом совета старейшин, пошёл к Пилату, выпросил тело умершего Иешуа и похоронил

Его в в своей гробнице близ Иерусалима, как подобает честным людям.

Когда это случилось, старейшины уже не могли противиться власти. Однако, помня, что Иешуа как-то в Своей речи перед народом высказался, что если Его убьют, то Он воскреснет из мёртвых, они увидели в этом новую большую беду для себя и всего народа. Его сообщники могли унести тело в другое место и потом пустить слух, будто Он воскрес, как говорил об этом ещё при жизни. Поэтому евреи послали к правителю несколько избранных человек, которые, подробно рассказав о своём опасении, выпросили у него на несколько дней отряд воинов для охраны гробницы.

Воины были назначены, и стража поставлена у гробницы. Все совершенно успокоились и готовились к радостному празднованию Пасхи. Но оставшиеся друзья Иешуа, как видно, не сидели сложа руки. Ночью им удалось усыпить или так перепугать стоявших на страже суеверных воинов-язычников, что те были совершенно парализованы от страха, а когда пришли в себя, то печать, приложенная к двери гроба, оказалась сорванной, камень, заграждавший отверстие, – отваленным, а гроб – пустым. Тело было похищено, и о его судьбе никто ничего не знает до сего дня.

Однако вскоре после этого сообщники Иешуа начали распространять слухи по всей Палестине, а потом и по всему миру, что Он воскрес из мёртвых. Утверждали, будто Его видели и говорили с Ним после

воскресения, что Он как Бог вознёсся на небо. Но всё это, конечно, не что иное, как ловкий обман, которому никто из благоразумных людей нашего народа не верил и не верит! – так закончил свой рассказ об Иешуа старый раввин Вейнберг.

Затаив дыхание, со слезами на глазах, слушала Юдифь интересную для неё историю Иешуа. Просидев несколько минут в глубоком молчании, она подняла полные слёз глаза на дедушку и спросила тихим, дрожащим от волнения голосом:

– А что, дедушка, если Иешуа был в самом деле Божий Сын, посланный как Мессия к Израилю?

Вспомнив при этом слова раввина, который несколько дней тому назад спорил с дедушкой, она добавила:

– А что, если Он умер как Агнец Божий за наш еврейский народ и всех живущих на земле?

От этого вопроса старый раввин подскочил на месте. Глядя на Юдифь свирепым взором и забыв, что перед ним – тринадцатилетняя девочка, он закричал вне себя от гнева:

– Кто мог внушить тебе подобные богохульные мысли?! Где об этом написано, чтобы Иешуа, сын простого плотника из Назарета, был еврейским Мессией?! Мессия должен произойти из славного царского рода Давида!

Юдифь, побледнев от страха, дрожа всем телом, сидела перед разгневанной дедушкой. Она ещё ни

разу в жизни не видела ни одного человека в таком страшном гневе. При этом девочка не могла понять, в чём дело, почему дедушка так на неё рассердился: она ведь не сказала ничего плохого, что могло бы его так сильно обидеть.

Увидев испуганное личико Юдифи, Вейнберг пришёл в себя. Уже более мягким и ласковым голосом, стараясь загладить своё поведение, он добавил:

– Ах, дитя моё! За всю мою долгую жизнь мне пришлось так много бороться с распространением различных ересей среди нашего народа, что меня раздражает всякое упоминание о какой-либо ереси, особенно когда я слышу об этом Иешуа, Которого еретики считают Мессией, Сыном Благословенного! Знаю, ты назвала Его этим именем несознательно. Но всё же, девочка моя, это очень нехорошо, что ты сравнила обманщика с нашим славным грядущим Мессией, пришествия Которого мы все с нетерпением ожидаем в скором будущем.

– Дедушка, я не знаю, Мессия Он или нет, но мне так жаль, что Его невинно убили, как некогда в Египте убивали невинных ягнят. Поэтому я и спросила, не был ли Он настоящим Мессией? Может, тогда люди ошиблись?

– Нет, Юдифь, – ответил раввин. – Мудрые старейшины того времени не могли ошибиться. А если бы это и произошло, то давно уже было бы возможно, раскаявшись, исправить ошибку и принять Его учение.

– А разве, дедушка, Он оставил после Себя учение? – снова спросила любопытная внучка.

– Да, есть книга, которую Его последователи выдают за Его учение. Но вот эта-то книга и сами Его последователи более всего свидетельствуют, что Он был не Мессией, Сыном Благословенного, а просто обманщиком.

– Как же это может быть, дедушка, чтобы Его последователи сами могли утверждать, будто Он не Мессия? Мне это совершенно непонятно...

– А ты любопытна, Юдифь, даже больше, чем говорит о тебе мама. Как видно, ты всё хочешь узнать сразу. Впрочем, это я могу разъяснить тебе и надеюсь, что ты поймёшь. Вот, посмотри на людей, среди которых мы живём. Все люди в России, Европе вообще, а также в Америке, за малым исключением, считают себя христианами, т. е. последователями Иешуа. Но как они ненавидят нас, евреев, будучи сами последователями еврея! Было время, когда они мучили и убивали евреев десятками тысяч. Да и в России мне пришлось пережить несколько еврейских погромов, когда евреев, без всякой вины и причины, немилосердно убивали.

Если бы Он был еврейским Мессией, то научил бы Своих последователей любить наш народ. Но это ещё не всё, дитя моё, они ненавидят друг друга. Было время, когда они вели между собою жестокие, кровопролитные войны, убивали друг друга, сжигали живьём на кострах, проклинали друг друга страшными прокля-

тиями, разрушали города и целые государства. Его последователи, христиане, истребили много миллионов людей. Носящие Его имя не стали лучшими людьми, но как были грубыми, кровожадными язычниками, ненавидевшими друг друга, такими и остались.

– Как это страшно, бабушка! – воскликнула Юдифь. – Как плохи Его последователи! Они ведут себя так, как раньше – евреи, распявшие Его Самого. Они совсем не похожи на Него. Я никогда не хотела бы ни за кем следовать, если это делает человека жестоким. Если Его учение побуждает ненавидеть евреев и убивать друг друга, то Иешуа, действительно, не мог быть еврейским Мессией. Ты прав, бабушка, что рассердился на меня. Я ведь ничего не знала о Его последователях. Прости меня, что я считала Его Мессией. Я хочу всю мою жизнь служить Богу наших отцов и быть Ему верной! Видишь, как хорошо иногда всё знать!

С этими словами Юдифь бросилась на шею бабушки, целуя его лицо, заросшее длинной, белой, как снег, бородой.

– Да, теперь я вижу, что Юдифи давно пора это знать, – проговорил Вейнберг, обращаясь к её матери, которая молча прислушивалась к беседе. – Никогда не подозревал, что в её уме могли возникнуть такие серьёзные мысли.

Вечерняя заря давно уже потухла, становилось прохладно, пора было прервать интересную беседу со старым раввином.

– Дети, отправляйтесь в спальню, а то Юдифь своим любопытством заставит нас всех просидеть до рассвета, да и дедушку совершенно утомит, – заметила мать.

Пожелав друг другу спокойной ночи, все разошлись по своим спальням. В эту ночь Юдифь долго пролежала без сна в постели. Беседа с дедушкой, его рассказ о жизни и смерти Иешуа и Его страшных последователях, убивающих друг друга и ненавидящих евреев, а потом сильное раздражение дедушки, так её перепугавшее, – всё это долго ещё стояло перед её взором. «Нет, Он не был Мессией Израиля, – решила она, – дедушка был прав в споре с тем приезжим раввином!» – с этой мыслью девочка уснула крепким и спокойным сном.

После этой беседы Юдифь совершенно успокоилась. Жизнь среди природы, любовь матери и родных совершенно рассеяли серьёзные мысли о Боге. В выходные дни их часто навещал приезжавший из города отец, и оживлённая радость царила тогда во всём доме.

Тихо и мирно потекла дальше жизнь Юдифи. Ещё два раза за время их пребывания на даче дедушку посетили раввины. Вновь проводили они целые дни и бессонные ночи в беседах. Юдифь всё это наблюдала, но у неё не было уже больше интереса к их спорам. Она теперь понимала, что они, наверное, вновь спорят об Иешуа. При этом девочка радовалась, что её дедушка может и другим так легко доказать, что Иешуа –

не Мессия. «Как хорошо, что есть такие стойкие защитники веры нашего народа, как дедушка», – думала Юдифь.

Глава 2

Беженцы

*Первая мировая война.
Бегство из дому.
Новая родина*

Прошло несколько лет после вышеописанных событий. Наступил роковой для Европы 1914 год. Уже в начале года среди властей пограничных городов и даже среди населения чувствовалось беспокойное и напряжённое состояние. Торговля шла совсем вяло. Везде говорили о страшной опасности, нависшей над Европой. Проживавшие вблизи границы Вейнберги были также беспокойны. Этой весной они не решились даже выехать из города на дачу к своим престарелым родителям.

Наконец, в июле разразился ураган войны, зажёгший в скором времени почти весь мир, на долгие годы, страшным, небывалым пожаром.

Германские войска, перейдя русскую, почти незащищённую границу, вторглись в пограничные местности, а из глубины России тянулись день и ночь полки русской армии – на защиту родины.

Мирные жители стремились покинуть насиженные места, оказавшись без всяких средств к существованию. Людские массы потянулись по всем дорогам вглубь страны, покидая приграничный край, охваченный пожаром войны.

Железные дороги были заняты спешным подвозом войск и снаряжения для армии, а шедшие обратно поезда вывозили раненных, искалеченных в боях солдат или были предоставлены для эвакуации государственных учреждений. Власти были не в силах сделать что-либо для местных жителей, и они были предоставлены сами себе. По всем направлениям живыми лавинами шли несчастные обыватели, лишённые крова. В этой массе дети иногда теряли своих родителей и впоследствии долгие годы не знали ничего друг о друге.

В один из таких живых потоков попала семья Давида Вейнберга. Бросив всё своё имущество на произвол судьбы и захватив лишь несколько сот рублей наличного капитала, супруги Вейнберг со своими тремя дочерьми пешком, как и другие, спешили уйти вглубь

страны. Одно стремление владело ими – не потерять друг друга в общей массе и как можно скорее и дальше уйти от фронта, от сотрясавшего землю орудийного грохота.

После четырёхдневного утомительного и напряжённого путешествия по шоссе, вдоль железной дороги, им удалось, хотя и с большими усилиями, попасть на одной из станций в вагон проходившего мимо товарного поезда. Совершенно измученные трудным, непривычным путешествием пешком, голодные, они могли теперь немного отдохнуть, сидя у широко открытой двери товарного вагона.

От быстрого хода поезда вагон сильно трясло, бросая из стороны в сторону. Он был набит такими же, как и они, несчастными беженцами, лишившимися приюта. Но, несмотря на неудобства, люди были счастливы от сознания того, что теперь они быстро удаляются от фронта.

Между ними находились родители, потерявшие в толпе своих детей, и дети, потерявшие родителей. Они проезжали одну станцию за другой, не зная, куда и зачем едут. Каждый мечтал лишь о том, как бы спастись от военного пожара.

Вейнберги радовались, что были все вместе. Но их престарелые родители, жившие на несколько десятков вёрст ближе к границе, убежать, наверное, не успели и остались в местности, захваченной германскими войсками. Однако люди обычно мало беспокоятся

о других, когда вопрос идёт о спасении собственной жизни. В таком состоянии отчасти находились теперь Вейнберги.

Проехав некоторое расстояние и немного успокоившись, они начали обсуждать, куда им направить свой путь, где основать временное жилище, пока не пройдёт ураган войны и им можно будет возвратиться на прежнее место. В то время они ещё были уверены, что вихрь войны пронесётся быстро и через несколько месяцев всё придёт в порядок.

После некоторого обсуждения Вейнберги решили избрать своим временным местопребыванием город, в котором жило довольно много евреев и у самого Вейнберга имелись там коммерческие связи. Но воспоминание об этом опечалило их: они осознавали, что теперь эти связи, с потерей всего их состояния, не имеют значения. Оставленные ими товарные склады, а также дом со всем хозяйством, наверно, уже разграблены войсками, быть может, даже уничтожены огнём. Они стали совершенно нищими, и всё нужно начинать заново.

В продолжение четырёхдневного пути пешком они не могли думать о прошлом и о том, что ждёт их впереди, все мысли сводились лишь к тому, как добраться до безопасного места, чтобы не стать пленниками немцев и не потерять в дороге друг друга. Теперь же, сидя в вагоне и проезжая мимо селений, жители которых чувствовали себя пока что в безопасности, Вейнберги

вспомнили прошлую жизнь и всё, что было ими покинуто. Вспомнили и своих престарелых родителей. Что с ними? Может, их уже нет в живых? Увидятся ли они с ними ещё в этой жизни? Среди беженцев распространялись слухи о том, что немцы никого не берут в плен, всех, без исключения, убивают, подвергая страшным пыткам.

При воспоминании о прошлом сердца Вейнбергов наполнялись тревогой за будущее. Правда, они успели захватить с собою деньги, но часть из них была уже израсходована во время путешествия. Оставшаяся сумма оказалась не слишком значительной. Как жить дальше? Юдифь окончила только шесть классов гимназии, а младшим нужно было ещё долго учиться. Родители, стремившиеся дать дочерям лучшее образование, думали теперь и об этом обстоятельстве.

В то время как родители обменивались своими тяжёлыми мыслями, дочери были веселы и беззаботны. Стоя у открытой двери вагона, они любовались местностью, по которой поезд увозил их всё дальше и дальше от войны, вглубь необъятной страны. Оживлённый разговор девочек, их звонкий, беззаботный смех разгоняли грусть на лицах находившихся в вагоне людей.

Только Юдифь, оставив сестёр, часто подходила к родителям, с участием смотрела на них своими чёрными, глубокими, как море, глазами. Ей шёл уже

шестнадцатый год, и своим живым умом она вполне понимала положение, в котором оказались родители. Она могла не только беззаботно смеяться вместе с сёстрами, но думать о будущем своей семьи. Однако девушка представляла это будущее совершенно в других, более светлых тонах. С детства она знала, как Бог неоднократно в древности помогал её предкам, верила, что Бог не изменился, и если Он помогал в то далёкое время её народу, то поможет и теперь.

Стоя у открытой двери вагона и глядя на быстро убегающую даль, она мысленно уносилась в далёкое прошлое своего народа, когда её предки, оставив дома и всё имущество, со странническими посохами в руках, дорожными сумами за плечами, окружённые детьми, покидали Египет, где спокойно прожили несколько столетий.

Девушка сравнивала настоящее их положение с прошедшими событиями из истории израильского народа. «Ведь и мы такие же беженцы, покинувшие всё родное и дорогое для нас, – рассуждала Юдифь. – В древности предки шли через пустыню, теперь точно так же и мы не знаем, куда ехать, и вся эта необъятная страна является для нас в настоящее время пустыней. Но Иегова, Который шёл с нашими прародителями, идёт, наверно, и с нами сегодня. Он введёт нас в землю, где течёт молоко и мёд!»

– Как велик и дивен наш Господь! – произнесла Юдифь. При этих мыслях её взор устремился на чистое небо, на котором показались редкие вечерние звёзды.

Наступил летний вечер. Стало прохладно у открытой двери, и Юдифь уселась на полу, у ног матери, склонив голову к ней на колени. Обняв любимую дочь, мать поцеловала её. При этом Юдифь почувствовала, как слёзы матери упали на её лицо. Сердце девушки наполнилось глубокой болью.

– Ты плачешь, милая мама? – спросила она тихим, полным сочувствия голосом. – Стоя только что у двери, я вспомнила историю далёкого прошлого, как наши предки покидали Египет и всё, что они там имели. Они были тогда такими же, как и мы, беженцами. Теперь я сравниваю наше бегство с их положением. И я верю, мама, что великий и любвеобильный Бог, Который помогал нашему народу в то время, поможет и нам теперь. Ты веришь этому, мама?

– Милая Юдифь, я об этом совершенно не думала! – воскликнула мать.

– Отец, – обратилась она уже со смехом к сидевшему неподалёку мужу, опустившему свою голову на руки, – ты слышишь, что говорит Юдифь? Она сравнивает наше настоящее положение с выходом евреев из Египта и верит, что Иегова и нас приведёт туда, где течёт молоко и мёд.

Вейнберг рассмеялся:

– Юдифь, ты всегда – наша радостная вестница, а в этом случае – и настоящий пророк. Теперь ты начинаешь мечтать о молоке, а помнишь, когда четверо суток пришлось идти пешком, ты чаще всех повторяла: «Ах, хотя бы один стакан холодной воды!» Помнишь? – обратился он к дочери. При этом все трое рассмеялись.

– Да, папа, евреи в пустыне тоже хотели пить и просили воды, даже роптали на Моисея, но потом они всё же получили и молоко. Вот поэтому мы и похожи на тех евреев: если просим воды, Иегова пошлёт нам молоко. Я верю этому, папа, – заметила уже серьёзно Юдифь. – Я всё время смотрела на тебя и маму, когда вы беседовали: вы были так печальны, мне было вас жаль. А зачем печалиться? Смотрите, мы все здоровы и сильны. Начнём работать, Господь Бог поможет нам, и всё будет великолепно!

– Ты рассуждаешь совсем иначе, чем мы с мамой, – сказал отец. – Если так верить, то действительно всё будет хорошо. Мы с мамой упали духом, и ты со своей верой стала для нас настоящей утешительницей.

Услышав разговор, остальные девочки почти в один голос воскликнули:

– Да, папа, мы тоже будем работать!

– Я буду торговать вместе с тобой в лавке, – заявила самая младшая, Сарра.

– А я буду портнихой: я очень люблю шить, – проговорила Руфь.

– Ну, если уже теперь начинается распределение занятий, то и мне придётся изъявить своё желание. Так как я очень люблю возиться с маленькими детьми, то, наверно, изберу для себя должность учительницы, – весело сказала Юдифь.

Больше недели находились Вейнберги в пути, путешествуя то пешком, то в товарном поезде, то ожидая на разных пересадочных станциях. Наконец они добрались до избранного ими временного места жительства. Вейнберг, имевший торговые связи с некоторыми коммерсантами этого города, известил их телеграммой с дороги о своём приезде. Теперь друзья оказали самую радушную встречу беженцам.

Жизнь Вейнберга на новом месте пошла обычным порядком. В этом полуеврейском городе приехавшие быстро освоились. При поддержке друзей Вейнберг вскоре открыл мануфактурную торговлю. К зиме семья имела довольно уютную квартиру и всё необходимое для жизни. Все три дочери продолжили учёбу в местной гимназии. Весь коммерческий мир города стал уже своим для Вейнбергов.

Первые три месяца у них ещё была надежда на скорое возвращение в оставленный ими край. Давид Вейнберг следил по газетам за событиями на фронте. Когда война началась, люди были почти уверены, что она не продлится более трёх месяцев. Но со временем стало ясно, что война будет ожесточённой и длительной. В конце концов Вейнберги

примирились с полной и безвозвратной потерей всего имущества, которое имели прежде, и, оставив мысль о возвращении на старое место, энергично принялись за новые дела. Отец погрузился в начатый им бизнес, а дети принялись за учёбу и, когда было возможно, старались помогать матери в домашней работе.

* * *

Прошло два года, и торговое предприятие Вейнбергов стояло уже прочно, без помощи постороннего капитала. Дочери выросли, Юдифь стала гордостью родителей и любимицей всего городского еврейского общества. Мать иногда говорила мужу, что среди всех еврейских девиц в городе нет подобной их Юдифи. Девушка окончила гимназию с золотой медалью. Родители хотели послать её в университет, однако некоторые обстоятельства заставили их задуматься о будущности их дочери и в связи с этим изменить своё решение о её дальнейшей учёбе.

Самые близкие друзья Вейнбергов – Бернштейны, имевшие большую мануфактурную торговлю, неоднократно говорили им наедине:

– Как было бы хорошо, если бы наши дети, Соломон и Юдифь, соединили свою судьбу.

Единственный сын Бернштейна, Соломон, довольно милый и талантливый молодой человек, с самой первой встречи с Вейнбергами сумел покорить их сердца.

В этом году он окончил коммерческий институт и находился теперь при родителях.

Вейнберги пока ещё обходили молчанием дружеские намёки. Наедине они, однако, часто размышляли об этом. В Соломоне они видели самого подходящего жениха для дочери, при этом они замечали, что Юдифь и Соломон в последнее время часто проводят время вместе, любят друг друга. Эти обстоятельства заставляли родителей думать о судьбе старшей дочери.

Наконец, в июле Соломон, с согласия своих родителей, сделал официальное предложение Юдифи. Вейнберги всем сердцем полюбили скромного и талантливого юношу. Видя, что Юдифь также любит молодого человека, родители дали своё согласие. Было условлено, что свадьба состоится весной будущего года, пока же перед всем еврейским обществом их объявили женихом и невестой.

Юдифь, Соломон и их родители были вполне счастливы и довольны, что всё так хорошо сложилось. Оставив мысль о дальнейшей учёбе, Юдифь должна была остаться теперь на некоторое время при матери, чтобы потом разлучиться с ней и уйти в новую семью.

При мысли об этой скорой разлуке сердце матери наполнялось глубокой болью. Она всей душой была привязана к дочери и никак не могла себе представить жизнь в её отсутствии. Но осознание, что она вручает

свою любимицу такому хорошему человеку, как Соломон, успокаивало и даже наполняло гордостью материнское сердце.

Глава 3

Ищите и найдёте

*Искания души. Евангельское собрание.
Приезжий евангелист.
Христос-Мессия. Мир с Богом*

Наступило скучное осеннее время. Покрытые всё лето роскошным цветочным ковром луга представляли теперь безотрадную равнину с высохшей жёлтой травой. В подгородных лесах не пели уже, как летом, соловьи, лишь ветер зловеще носился над обнажёнными верхушками деревьев. В эти осенние дни Юдифь удалялась иногда совершенно одна в глубину громадного городского парка.

Глядя на упавшие листья, жёлтым ковром устлавшие землю и шелестевшие под её ногами, она бродила

иногда целыми часами между деревьями. Её сердце наполнялось непонятной тоской. В чём была причина этого томления, куда и к чему стремилась её юная и чуткая душа? Юдифь и сама не знала. Она всеми любима, горячо любит Соломона, причём взаимно. Чего же недоставало? В такие минуты её сердце стремилось к высшей, неземной любви, никогда не увядающей и непреходящей.

Вот падает к её ногам последний сорванный ветром пожелтевший листок. Юдифь смотрит на него со слезами на глазах, поднимает и прижимает к губам, целуя этот увядший и упавший на землю листок. Ей почему-то становится так жаль его, будто умерло нечто живое, близкое её сердцу.

«Вот и наша жизнь – как жизнь этого увядшего листочка, – мелькнула мысль в голове Юдифи. – Сегодня мы молоды, любим и любимы сами, а завтра повеет холодный житейский ветер, мы блекнем, желтеем, увядаем; следующий налетевший порыв ветра отрывает нас от ветви жизни, и мы, подобно этому листку, падаем на землю, смешиваясь с нею. Быть может, чья-нибудь нога в скором времени наступит и на тебя, милая Юдифь!»

Последнюю мысль она произнесла вслух и вздрогнула, услышав собственные слова. На душе стало жутко от таких мыслей.

«Какая я странная, – подумала она. – Но ведь и вся наша жизнь, в самом деле, состоит из странностей, неразрешимых загадок и непроницаемых тайн. Да и

в самом деле, чем кончится моя жизнь? Неужели только, как этот листок, упадёт и истлеет? Или есть ещё что-то после смерти? Но что? Многие люди верят в бессмертные души, в загробную жизнь, но ведь никто о ней ничего не знает. Вот и мой дедушка... Быть может, его час уже давно настал, и он ушёл из этого мира, что с ним? Ведь он так много читал, говорил о Боге, но если есть Бог, есть вечное бытие, неужели Он ничего не сказал и не открыл созданным Им людям об этом вечном бытии?

Дедушка утверждал, что Иешуа не воскрес из мёртвых. Некоторые же, как я теперь знаю, думают и верят, что Он воскрес. Более того, верят, что Он воскресит и всех верующих в Него, и тогда начнётся вечное бытие. Как всё это странно! Наш земной мир полон загадок, мы живём здесь, как во сне, как в бреде. Не лежит ли причина моей теперешней тоски в этой тайне? Быть может, эти поблекшие, упавшие на землю листочки говорят мне об этой тайне своим языком, которого я не понимаю, но который чувствую сердцем», – думала девушка.

– В чём же разгадка? – громко произнесла Юдифь.

Юдифь, и эхо повторило её возглас, замирая среди деревьев.

– Как здесь жутко, среди этого кладбища листочков! – с этими словами Юдифь оставила парк и направилась домой.

Подобные размышления не раз занимали девушку. Внутренний голос сердца, стремившегося к свету и истине, не был заглушён в её душе.

Иногда, находясь наедине с Соломоном, она открывала ему свои мысли. Во многом Соломон хорошо её понимал. Он не был узким религиозным фанатиком. Однако, воспитанный в доме религиозных родителей, он был совершенно не верующим в Бога человеком. Разделяя с Юдифью все другие её стремления, он не мог вполне понять её стремления к Богу, к большему Его познанию. Но зато не считал еретическими мысли, которые она высказывала, будучи не вполне согласна с еврейством. Иногда его холодное неверие огорчало её, но в такие часы у неё всегда появлялась надежда, что со временем он станет верующим человеком.

Дни быстро бежали вперёд – скучная осень сменялась холодной русской зимой. Необъятные степи, луга и леса покрылись, как саваном, белым снеговым покровом. Кристально чистые снежинки носились в воздухе и, падая на землю, как будто стремились покрыть её лучше и защитить своим покровом от суровых морозов.

В зимние вечера семья Вейнбергов обычно принимала гостей у себя или посещала друзей. Родители и дети начали уже забывать об оставленном ими прежнем местожительстве и имуществе – они были довольны и счастливы на новом месте. Только Юдифь бывала задумчива и печальна. Театр и другие развлечения не могли заполнить пустоты и утолить жажды её сердца. Иногда она посещала синагогу, но совершаемое в ней богослужение казалось ей чуждым и странным,

далёким её сердцу. Она мало понимала из того, что читали раввин и кантор.

В это время у неё усиливалось желание познакомиться поближе с другими религиями. В городе, где они жили, было много православных людей, а также были лютеране и небольшая группа евангельских христиан. Все они имели свои церкви и молитвенные дома, и Юдифь решила посетить их. Но это желание было очень трудно выполнить. Она знала, что если пойдёт в какую-либо церковь или молитвенный дом, то этим уже оскорбит религиозные чувства родителей. При этом и у неё появлялась мысль, не будет ли в самом деле грехом перед Иеговой, если она, израильтянка, пойдёт в молитвенный дом, к людям, которые почитают «обманщика Иешуа» как Бога.

«И всё-таки, – размышляла Юдифь, – если Иегова действительно всеведущий, то Он видит и моё сердце: а я хочу Ему служить, хочу больше познать Его. Не осудит же Он меня за то, что я хочу знать, как верят и молятся другие люди».

При этом Юдифь вспомнила бывшую подругу по гимназии Лизу Мирошниченко, дочь проповедника из русской протестантской общины, глубоко верующую девушку. Лиза была скромной и примерной ученицей. Юдифь полюбила её, и одно лишь только разделяло их: Лиза всегда говорила об Иешуа, дарила книжки о Нём. Ученицы-еврейки, подружки Юдифи, относились к Лизе с нескрываемым пренебрежением, называли её

идолопоклонницей и язычницей. Из-за них Юдифь не могла тогда сблизиться с Лизой, хотя в глубине души готова была променять всех своих легкомысленных подруг-евреек на эту «язычницу».

Юдифь замечала, что и Лиза отдавала ей предпочтение перед другими. Она помнила, как однажды, глядя на неё своими голубыми глазами, Лиза грустно сказала:

– Как жаль, милая Юдифь, что ты не веришь в Иисуса Христа! Жаль, что не можешь посещать наших евангельских собраний и слушать проповеди о Нём. Но знаешь, я всегда, с самой первой нашей встречи, молюсь о тебе, чтобы Господь открыл твоё сердце для веры в Него, и я верю, что Он это сделает – ты будешь Его ученицей и моей дорогой сестрой в Господе!

Эти слова показались тогда Юдифи странными. Она даже немного рассердилась и хотела сказать Лизе, что Иешуа – обманщик и лжемессия. Но, видя, что Лиза глубоко верит в Него и искренно об этом говорит, не осмелилась этого сделать. Заметила только, что она, израильтянка, никогда не сможет поверить в Иешуа.

Теперь, сидя в своей уютной комнате, с рукоделием в руках, и вспоминая прошедшее, Юдифь думала: «Как это всё странно! Видимо, не все последователи Иешуа ненавидят евреев и не все убивают друг друга, как говорил дедушка. Лиза сказала однажды, что многие члены их общины, призванные на войну, находятся в тюрьмах – за отказ брать в руки оружие и убивать людей, потому что Иешуа учил любить друг друга,

даже врагов. Тут, в самом деле, что-то непонятное. Впрочем, я уже не ребёнок, чтобы слушать и верить тому, что говорят другие».

– Лучше узнать и исследовать всё самой! – произнесла вслух Юдифь, подняв глаза от своей работы.

«Но как это сделать? Решить гораздо легче, чем осуществить. Один неосторожный поступок может вызвать целую бурю в семье и среди всего еврейского общества. Пожалуй, меня сочтут отступницей! Сказать обо всём Соломону? Это будет самое лучшее. Но как он на это посмотрит?» – при этой мысли лицо Юдифи озарилось радостной улыбкой. Она доверяла ему все свои мысли и теперь надеялась, что молодой человек поможет ей в этом затруднении. Хотя она всё больше убеждалась, что он ни во что не верит, всё же надеялась, что он не будет стараться разрушить её веру в Бога.

Этот день показался Юдифи очень длинным. Она никак не могла дождаться наступления вечера, когда обыкновенно Соломон заходил к ним, хотя бы на несколько минут, даже если бывал занят неотложными делами. Сегодня она ожидала его с большим нетерпением, хотела сообщить ему, как можно скорее, о своём желании познакомиться с другими верованиями.

Наконец, часов в восемь вечера Соломон пришёл вместе со своими родителями. Вскоре хозяйева и гости разбились на отдельные группы и повели разговоры на разные темы. Младшие сёстры Юдифи, ещё посещавшие гимназию, занимались своими уроками.

Отцы семейств вели оживлённую беседу о коммерческих делах и последних событиях в России. Матери обсуждали хозяйственные дела и городские новости. И только между Юдифью и Соломоном происходил необыкновенный в доме Вейнбергов разговор.

После первого приветствия Юдифь, обращаясь к родителям, заявила с улыбкой:

– Сегодня я отбираю у вас Соломона на весь вечер, у нас с ним предстоит очень важное совещание.

– Не стовариваетесь ли вы сбежать от нас в Америку? – спросил, смеясь, Вейнберг.

– Нет, папа, но это ещё лучше, чем поездка в Америку, гораздо интересней, – ответила Юдифь, с весёлой улыбкой глядя на молодого человека.

– Оставим их, Соломон, пусть они ведут здесь свои коммерческие совещания, а ты сегодня мой – на весь вечер!

– Хорошо, Юдифь, я в твоём распоряжении, готов выслушать все твои планы. Если ты думаешь куда-либо бежать, то бежим вместе, не правда ли?

– О да, я согласна! – с этими словами Юдифь и Соломон, оставив родителей, перешли в другую комнату.

Оставшись наедине, Юдифь пригласила Соломона занять стоявший у столика стул и, усевшись рядом с ним, начала излагать то, что занимало её мысли.

– Знаешь, Соломон, у меня сегодня в самом деле имеется к тебе одна серьёзная просьба. Я хочу сообщить тебе то, что в последнее время всё чаще и чаще

занимает мои мысли. Я прошу тебя выслушать меня серьёзно, а потом прости свою Юдифь, если её желание покажется тебе глупостью. Готов ли ты уже заранее дать обещание простить меня?

– Да, Юдифь, – ответил Соломон, – ты можешь сказать мне всё, что занимает твою головку, и я готов, как смогу, помочь тебе во всём, в чём ты не можешь разобраться одна. Ведь вдвоём мы гораздо скорее распутаем запутанное, не так ли?

– Хорошо, тогда я всё скажу. Ты ведь знаешь, Соломон, что я от всего сердца верю в Бога и стремлюсь сохранить эту веру навсегда.

– Да, Юдифь, я это хорошо знаю, и верь, что твой Соломон ничего не имеет против этого. Наоборот, очень ценю твою веру и иногда думаю, как счастлива ты, что можешь от всего сердца верить в Бога. Может, когда-нибудь и мои убеждения будут согласны с твоими!

– Хорошо, Соломон, я очень надеюсь, что это случится. А теперь дело вот в чём: ты ведь знаешь, что наша иудейская религия считает другие религии языческими и не разрешает нам, евреям, общаться с их последователями. Ты улыбаешься, Соломон, слушая твою Юдифь и её глупости! Но, послушай, для меня это не глупости, а очень серьёзный вопрос!

– Милая Юдифь! Улыбку у меня вызывает не то, что ты говоришь, но то, что люди выдумали и создали себе так много богов и религий и теперь гордятся ими один перед другим, уничижают за это друг друга.

Я не верю в Бога, и главная причина моего неверия – множество различных религий. Ведь если есть Бог, то Он – Один, и религия должна быть одна у всех народов. Нам же приходится сталкиваться с сотнями разных богов и верований. При этом каждая религия считается её последователями лучше других. Вот это и заставляет думать, что каждый народ сам выдумал для себя бога и соответствующую этому богу религию, сообразуясь с собственными понятиями и условиями жизни. Я говорил уже тебе, Юдифь, что ты счастливая, можешь верить с детской простотой. Но никогда не смотри на других так, как смотрели наши предки и как смотрят религиозные евреи до сего времени. Если есть Бог, то Он должен быть Богом не только одних евреев, но и всех народов!

Взором, полным любви, смотрела Юдифь на Соломона, когда он воодушевлённо произносил эти слова.

– Вот об этом я и хотела говорить с тобою сегодня, мой Соломон, – произнесла девушка. – Это больше всего занимает моё сердце. С детства меня учили любить только еврейский народ и его религию, а на других людей смотреть как на гоев, на их религиозные верования – как на ложные, противные Богу. Но теперь я не ребёнок, чтобы слепо верить всему, что говорят другие, и хотела бы знать, за что я должна любить то, что люблю, и за что ненавидеть то, что должна ненавидеть. Правильно ли это?

За что я должна любить наш народ и его религию, я уже знаю. По этому поводу я много слышала и читала,

знаю историю нашего народа и его религии и верю, что она дана Самим Богом, хотя многое мне ещё непонятно и не может вместиться в моём разуме. Но мы живём и каждый день сталкиваемся со многими людьми, которые верят иначе, чем мы, и среди них есть немало очень хороших людей. Поэтому я хотела бы ближе познакомиться с религиями окружающих людей, посмотреть их богослужение, чтобы судить о них по собственным наблюдениям. Изучать различные религии только по книгам мне кажется не совсем правильным. Лучше всего можно сделать это, наблюдая за её последователями.

Но ты ведь знаешь, что нашим родителям очень не понравилось бы, если бы я пошла в церковь или молитвенный дом и присутствовала на богослужении. Вот я и решила открыть всё это тебе, спросить у тебя совета. Папе и маме я этого не говорю, потому что знаю, они будут недовольны мною за такие мысли. Ты теперь можешь быть моим судьёй: если мои мысли неправильны, то забудем этот разговор. Но мне нужно было открыть кому-либо моё сердце.

Соломон внимательно слушал, что говорила Юдифь. Он не верил в Бога, но высказанное ею желание присутствовать на чуждых евреям богослужениях казалось ему странным. Несколько минут он сидел молча, склонив голову. Юдифь с тревогой следила за выражением его лица.

– Ну что, Соломон, – обратилась она к нему после короткого молчания и положила свою руку на его

руки, сложенные на коленях. – Ты тоже начинаешь думать, что твоя Юдифь – еретичка и отступница от религии отцов?

– Нет, Юдифь, ведь ты же знаешь, какого я мнения о всех чуждых еврею религиях. Но когда ты говоришь о своём намерении посетить чуждые евреям богослужения, мне кажется это неестественным. Почему я так думаю, и сам не знаю. Может, вследствие тех взглядов, в которых я с детства был воспитан, пока сам не научился рассуждать. Знаешь, Юдифь, пусть всё, о чём мы с тобой говорили, останется пока тайной. Не говори об этом ни с твоими, ни с моими родителями, а то в их головах могут возникнуть Бог знает какие мысли. Это, наверно, сильно огорчит их. Что же касается нас с тобой, то, в самом деле, хорошо было бы когда-нибудь зайти в некоторые храмы, чтобы послушать и посмотреть, что там делается. Я такими вопросами никогда не интересовался, поэтому ещё нигде, кроме нашей синагоги, не был, да и туда хожу лишь только, чтобы не обидеть родителей.

Когда Соломон ушёл вместе со своими родителями домой, Юдифь осталась в своей комнате одна и долго не могла уснуть. Чувства радости и печали попеременно наполняли её сердце. Наблюдая за выражением лица Соломона во время их разговора, видя, как оно изменилось, когда она открыла ему свой план посещения различных молитвенных домов, она поняла, что Соломона нельзя причислить к сознательным атеистам. Хотя он и говорил,

что не верит в Бога, всё же, бессознательно, в его сердце жила ещё любовь к религии евреев, и со временем он может стать вполне верующим человеком. Это открытие было большой радостью для Юдифи.

Но, с другой стороны, его выражение «чуждые еврею религии» говорило ей о том, что хотя он и недоволен отношением своего народа к другим верованиям и их носителям, но всё же бессознательно стоит на стороне евреев и может стать большим фанатиком. Это обстоятельство наполняло сердце девушки тревогой и скорбью.

– О, Иегова! – воскликнула после долгих размышлений Юдифь. – Если Ты вездесущ и всеведущ, то Ты знаешь все мои помышления. Дай мне постигнуть Тебя, Твою истину, не оставляй меня блуждать впотьмах, в полном неведении.

«Какая я странная, – думала она, – в детстве надоедала родителям и дедушке вопросами о Боге, а теперь начинаю надоедать тем же Соломону. Что подумает он обо мне после сегодняшней беседы? Впрочем, я знаю, он меня любит, а если это и было глупостью с моей стороны, то он простит мне и забудет об этом. Ведь люди часто говорят различные глупости!»

* * *

После этого разговора прошло около двух месяцев. В один из зимних вечеров в доме родителей Соломона между ним и родителями его невесты происходил довольно серьёзный разговор. На лицах всех беседующих

лежала глубокая печаль. Мать Юдифи часто вытирала набегавшие на глаза слёзы. Соломон сидел, опустив голову, и тяжёлые вздохи вырывались из его груди.

– У меня больше нет на неё никакого влияния, у отца – тоже, – призналась после короткого молчания мать Юдифи, с усилием сдерживая давившие грудь рыдания. – Мы вообще не знаем, что делать. Мы тяжело переживаем гибель нашего ребёнка, да и стыдно перед другими людьми. Но она, словно помешанная, на все наши просьбы и угрозы твердит одно и то же: «Я знаю, вам тяжело, и мне это так больно! Но не могу же я оставить всё, что мне свято, слушая людей более, нежели Бога», – с этими словами мать Юдифи зарыдала. – Моя бедная Юдифь! Неужели ты совершенно потеряна для всех нас, так любящих тебя!

Все сидели со слезами на глазах, понутив головы.

– Я тоже ничего не могу от неё добиться, но всё же надеюсь, что всё устроится. Раза три я уже говорил с ней, умолял её оставить своё увлечение ради меня, родителей и ради нашего народа, но она всегда отвечает: «Нет, не могу, Соломон! Я люблю моих родителей, тебя и мой народ ещё больше, чем раньше, но оставить моего Искупителя ради вас – это поистине чудовищно! Это больше, нежели самоубийство. Речь идёт не о самоубийстве тела, которое рано или поздно всё равно должно умереть, но о самоубийстве души!» Эти слова мне совершенно непонятны, и я не знаю, что и говорить ей. Думаю, она в последнее время очень

много размышляет и этим слишком расстроила свои нервы. К тому же этот ужасный человек сильно подействовал на её впечатлительную душу. Но я надеюсь, что со временем всё это у неё пройдёт.

Этот разговор произошёл в доме Бернштейнов по следующему случаю. Недели через три после того, как Юдифь открыла Соломону своё намерение познакомиться с другими религиозными верованиями, их город посетил приезжий проповедник русской протестантской церкви. О предстоящих собраниях в молитвенном доме этой общины население известили посредством расклеенных в городе объявлений. В этих объявлениях жителей еврейской национальности также пригласили на предстоящие собрания. Проповедник обещал сказать много интересного и полезного для евреев. Хотя эти объявления быстро срывали и уничтожали сами евреи и другие противники евангельской проповеди, всё же одно из них увидели проходившие по улице Соломон и Юдифь.

– Вот видишь, Соломон! – обратилась к нему с улыбкой Юдифь, прочитав текст объявления. – Недавно мы с тобой договорились посетить некоторые христианские храмы, чтобы послушать и посмотреть на богослужения других людей, а теперь нас даже приглашают. У русских есть пословица: незваный гость – хуже татарина. Однако тот, кто отказывается, когда его зовут на что-либо доброе, тоже не лучше. Наверно, многие наши евреи будут присутствовать на этих собраниях,

поэтому никто не будет удивлён, увидев нас с тобой. При этом наши родители, даже если узнают об этом, будут совершенно спокойны. Ведь чудный случай, не правда ли?

– Верно, – ответил Соломон, – на этот раз я с тобою совершенно согласен. Мне тоже интересно узнать, что будет говорить о евреях или евреям этот человек. Хорошо, значит, сегодня идём! В половине восьмого я зайду за тобой, и пойдём удовлетворять твоё давнишнее любопытство и желание, впрочем, теперь и моё, – весело добавил Соломон.

Довольно большой зал молитвенного дома был переполнен слушателями, когда туда вошли Соломон и Юдифь. Окинув взглядом присутствующих, они заметили около двадцати знакомых евреев. Два человека, сидевшие на задней скамье, встав со своих мест, предложили им сесть, сами же заняли место у дверей. Эта вежливость со стороны незнакомых и грубых на вид людей очень удивила Юдифь. Поблагодарив за любезность, они заняли предложенные места.

Через несколько минут в зале раздалось пение небольшого хора. Содержание слов и мелодия песни сразу захватили сердце Юдифи. В них ей послышалось что-то близкое и родное; это была давнишняя песнь её души. Простота и сердечность звучала во всём. Прислушиваясь к словам песни, Юдифь размышляла: «Эти люди верят и прославляют того же Бога, что и мы, евреи, только здесь больше простоты и благоговения». Хор пел:

*«О Иегова, через волны,
Через пустыни нас веди!
Слабы мы, но, силы полный,
Нас приблизь к Своей груди.*

*Манной с неба, манной с неба
Слабых нас, Господь, питай!
О, открой Свои потоки
Из скалы святых даров;
Столб Твой огненный, высокий
Да хранит нас от врагов!*

*О Спаситель, о Спаситель!
Будь для наших душ щитом!
Мы стоим у Иордана;
Проложи чрез реку путь,*

*Чтоб в равнинах Ханаана
Твой народ мог отдохнуть.
Песни славы, песни славы
Вознесутся там Тебе».*

Эти слова отзывались в сердце Юдифи отдалённым эхом седой древности, далёкого прошлого. Перед её мысленным взором пронеслись картины из истории Израиля, когда народ шёл в землю обетованную под водительством сильной и крепкой руки Иеговы.

Последние слова песни: «...Чтоб в равнинах Ханаана Твой народ мог отдохнуть» – замолкли в пространстве, а Юдифь всё ещё сидела с опущенной вниз головой; её глаза наполнились слезами. Соломон сидел рядом в глубокой задумчивости.

Но вот после короткой паузы хор запел другую песнь, которая своим содержанием ещё больше поразила сердце Юдифи:

*«Земля трепещет, и, сверкая,
Катится гром из края в край.
То Божий глас гремит, зывая:
Израиль, Мой народ, внимай!*

*Израиль, ты Мне строишь храмы,
И храмы золотом блестят,
И в них курятся фимиамы,
И день и ночь они горят.*

*К чему Мне ваших храмов своды,
Бездушный камень, прах земной?
Я создал землю, создал воды
И небо очертил рукой.*

*К чему Мне золото? В глубь земную,
В утробу вековечных скал,
Я влил, как воду дождевую,
Огнём расплавленный металл.*

*К чему куренья? Предо Мною
Земля со всех своих концов
Кадит дыханьем под рососою
Благоухающих цветов.*

*К чему огни? Не Я ль светила
Зажёг над вашей головой?
Не Я ль, как искры из горнила,
Бросаю звёзды в мрак ночной?*

*Твой скуден дар. Есть дар бесценный,
Дар, нужный Богу твоему;
Ты с ним явись, и, примирённый,
Я все дары твои приму.*

*Мне нужно сердце – чище злата
И воля крепкая в труде;
Мне нужен брат, любящий брата
И верный Мне всегда, везде».*

Каждое слово этой песни врезалось в её сердце. Как при пении первой песни перед ней прошла вся картина выхода из Египта и странствование Израиля по пустыне, так при слушании последней – ярко встала вся последующая история её народа.

– К чему куренья, к чему золото и жертвы? – шептали уста Юдифи, повторяя слова песни. – Разве Ему, сотворившему Вселенную, нужно, чтобы Его собственность

брали от Него и приносили Ему же в дар, будто это когда-либо было наше? Да, сердце чище злата и любовь одного человека к другому – это, действительно, самый большой дар для Него!

Рой мыслей наполнил её голову, но заниматься ими в данную минуту не было времени. Перед собравшимися слушателями – на возвышенном месте у стола, покрытом белой скатертью, – появился средних лет человек с раскрытой книгой в руках. Его приятное, энергичное лицо было обрамлено густой чёрной бородой. Проникающим в сердце взором он обвёл присутствующих, как бы стараясь заглянуть в душу каждого слушателя.

Сильным голосом он произнёс:

– В этом помещении, как вы уже читали в объявлениях, пройдёт, начиная с сегодняшнего вечера, ряд собраний с чтением и разъяснением Библии. Прежде чем приступить к чтению этой чудесной Книги книг, дарованной Самим Богом сынам человеческим, предлагаю обратиться к Богу в молитве, дабы Он благословил нас и дал разумение Его Слова. Внешних предметов богопочитания у нас здесь, как вы видите, нет, но Он присутствует на всяком месте и во всякое время, где люди собираются во имя Его. Живой и вездесущий Бог не нуждается в мёртвых предметах, напоминающих о Нём, ибо Он Сам хочет напоминать людям о Своём присутствии. И если мы встаём, чтобы приветствовать постороннего человека, то тем более,

сознавая присутствие Бога и обращаясь к Нему, мы должны встать в благоговении перед Ним. Поэтому встанем и будем молиться!

Все собравшиеся встали со своих мест, за исключением евреев, смотревших друг на друга и не знавших, что делать. Некоторые из них нерешительно встали – остальные продолжали сидеть. Находясь позади всех, Юдифь наблюдала за их поведением. Сама она встала по приглашению первая, а за ней последовал и Соломон.

Горячая, по-детски простая молитва полилась из уст стоявшего впереди человека. Как дитя, обращаясь к отцу, открывает свои нужды, так и он обратился в простых словах к Богу. Юдифь не слышала ничего подобного в своей жизни. Она слышала, как читали еврейские молитвы её родители, и сама читала молитвы, написанные тысячелетия тому назад, заученные наизусть и повторяемые нередко без понимания их смысла. Это была часто мёртвая форма без животворящего духа. Но здесь звучали не мёртвые, заученные слова и выражения, а изливающаяся из сердца просьба о насущной нужде. Это была живая, проникнутая верой беседа человека с невидимо присутствующим Богом.

Когда молившийся в заключение произнёс «Аминь», все верующие также повторили вслед за ним это слово.

– Аминь, – повторила вслед за всеми Юдифь.

Соломон с недоумением посмотрел на неё.

– Что с тобой, Юдифь? Ты ведёшь себя, как эти люди, – встаёшь, когда предлагают, и повторяешь их слова. Посмотри, наши все, за малым исключением, сидят молча. Хорошо ли ты поступаешь, Юдифь?

– Думаю, ничего плохого я не делаю, Соломон. Неужели мы не должны стоять на стороне истины и соглашаться с нею, если слышим её первый раз в жизни? – ответила девушка. – Во всём, что мы здесь наблюдаем и слышим, я вижу и чувствую одну лишь истину.

Дальнейшая их беседа была прервана, так как проповедник, призвав слушателей к вниманию, начал читать одно из библейских повествований, из 53-й главы книги пророка Исаии, где в сжатой, но сильной картине изображена жизнь Иисуса Христа от Его рождения до смерти на голгофском кресте.

Окончив чтение, он в кратких словах коснулся истории израильского народа и чудной надежды его на пришествие Мессии. Он указал, что Мессия должен был, на основании пророчества, прежде всего как Агнец Божий умереть за народ. Своей смертью и воскресением Мессия освободил людей от рабства греха и вечной смерти, подобно тому, как умершие когда-то в Египте агнцы освободили в ту ночь евреев от рабства фараона и смерти вместе с египтянами. То, что случилось в древности в Египте, было лишь символом, прообразом того, что впоследствии Бог совершил во Христе Иисусе, о Котором говорил пророк Исаия, что Он презрен, умалён, Муж скорбей, что Он, как агнец, был ведён

на заклятие, потому что Иисус взял на Себя наши грехи.

– Дорогие, – обратился проповедник к слушателям, – давайте теперь посмотрим на жизнь Иисуса Христа из Назарета. Разве Он не был презираем и уничижаем в те времена? Книжники и фарисеи ненавидели Его в продолжение всей Его жизни, пока, наконец, не решили предать Его позорной смерти на кресте, удалить Его из своей среды. Римские воины, язычники, сплетши венец из терновника и возложив Ему на голову, ударяя палкой, насмеялись над Ним, говоря: «Радуйся, Царь иудейский!» Разве это не было уничижением? И разве Он не был, как агнец, ведён на заклятие, когда нёс Свой крест к месту казни, падая под его тяжестью? При всём этом Он был действительно, как агнец, безгласен: ни ропота, ни жалобы на истязателей!

Это совершилось в то далёкое время, но пророчество Исаии сбывается в отношении Иисуса Христа и до наших дней. Здесь, как я вижу, много моих друзей-евреев. О, как я хотел бы, чтобы вы заглянули сегодня немного в ваше прошлое и настоящее. Разве ваши духовные вожди и учителя не продолжают всеми силами выставлять перед вами Иисуса Христа – Сына Божия, настоящего Мессию Израилева, как самозванца и обманщика? Разве это не презрение и умаление Христа в продолжение многих веков?

Правда, религиозные люди израильского народа продолжают ожидать Мессию. Но Кто будет Тот, Ко-

торый вскоре придёт? Кто будет грядущий Мессия? Конечно, если мы начнём говорить об этом, кто как думает, то можем ошибиться. Но Бог, обещавший послать Мессию, заранее позаботился о предсказании Его прихода. Посмотрим, что говорит о Мессии один из вдохновенных Богом пророков, пророк Захария, в десятом стихе двенадцатой главы своей книги. Вот его слова о грядущем Мессии: «И они воззрят на Него, Которого пронзили, и будут рыдать о Нём, как рыдают о единородном сыне...»

Кого и когда в своей истории уже пронзили евреи? Кто придёт к ним снова? Тот, Которого они пронзили в прошлом, есть Иисус, сын Давидов. Это должно было случиться по предопределению Божию: кровь непорочного Агнца была пролита для искупления Израиля и всего мира, для освобождения людей от их грехов. Это предсказали пророки Исаия, Даниил и др. Но теперь должно сбыться и другое предсказание: Израиль должен с верою воззреть на Того, Кого пронзили их отцы. Сегодня через меня Бог обращается ещё раз ко всем вам, сыны Израиля, и всем другим, находящимся в этом собрании...

Услышав эти слова, многие евреи, с шумом оставив свои места, вышли из зала. Когда все снова успокоилось, проповедник продолжал:

– Дети Израиля, к вам первым послал Он Своих учеников с проповедью Евангелия после Своего славного воскресения. К вам первым и я обращаю своё слово,

приехав в этот город. Вам первым из всех народов Господь хочет дать мир сердца и радость жизни. Вас первых Он хочет благословить величайшими благословениями, которые обещал ещё праотцу вашему – Аврааму. Не упорствуйте и не противьтесь Тому, Кто пролил за ваши беззакония Свою невинную кровь! Не продолжайте в ожесточении вплетать новые шипы в Его терновый венец! Не продолжайте пронзать Его вашим неверием, уничтожать и отвергать! Обратитесь к Нему всем сердцем в покаянии и молитве!

Когда же наступит для вас, находящихся здесь, тот славный день, что вы воззрите на Того, Которого пронзили руки ваших отцов? Когда в слезах раскаяния припадёте к Его пронзённым за ваши грехи стопам? Он ждёт! Его взор с любовью обращён на каждого из вас и в этот момент. Как заблудшую овцу дома Израилева, Он хочет вернуть тебя домой! Он призывает вас сегодня, слушайте, что Он говорит: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас». Ты, обременённое грехом, тоскующее и не имеющее покоя в этом мире сердце, приди сегодня, и Он даст тебе покой навеки...

Замолкло последнее слово горячего призыва. По предложению проповедника, собравшиеся склонили колени для молитвы, за исключением нескольких оставшихся ещё в собрании евреев. Молитвы раскаяния и призыва о помощи горячим потоком полились из сердец многих присутствовавших.

Юдифь, внимательно слушавшая проповедь, сидела с полными слёз глазами. Теперь ей живо припомнилось, как она, ещё тринадцатилетней девочкой, на даче у дедушки слышала памятную ей беседу и спор дедушки с приезжими раввинами об Иешуа. Ещё тогда ей показалось, что не дедушка, а один из раввинов был прав. И вот сегодня она услышала живую евангельскую проповедь о Мессии!

Какой-то внутренний голос всё время шептал её сердцу: «Да, это непреложная истина, которую ты должна принять. Он – Мессия, Агнец, умерший за всех евреев, за весь мир и за тебя. Мы должны принять Того, Которого пронзили! И ты – тоже», – подсказал ей внутренний голос.

– И я? – тихо произнесли уста Юдифи, как бы задавая вопрос невидимому собеседнику.

Соломон наблюдал за выражением лица девушки. Раза три он предлагал ей оставить собрание и пойти домой. Ему не понравилась истина о Христе, проповедуемая здесь так открыто и просто. Но Юдифь отказывалась покинуть собрание и просила его подождать ещё немного.

Хотя Соломон и был неверующим молодым евреем, но это неверие, как видно, оказалось лишь поверхностным налётом; в глубине души он оставался настоящим иудеем. Услышав истину о Христе, об отношении к Нему евреев, он был взволнован. Ему было очень больно смотреть, что Юдифи, которую он любил всем

сердцем, понравилась проповедь, что ей казались истиной слова этого человека. Судя по выражению её лица и слезам на глазах, она была вполне согласна с проповедником.

Теперь, когда все склонили колени для молитвы, Соломон как еврей почувствовал, что для него было бы оскорблением оставаться здесь далее, присутствовать при молитвах этих людей. Почти грубо, с раздражением в голосе он опять предложил Юдифи покинуть зал и пойти домой.

– Нет, Соломон, – тихо ответила Юдифь, – я не могу сейчас уйти. Скоро, как видно, закончится собрание, и я хочу остаться здесь до конца.

Её сердце усиленно билось, когда она слышала горячие молитвы, в которых было много просьб об обращении Израиля. Юдифь чувствовала, что и она – грешница; она, как и другие евреи, упорствовала и противилась Христу Иисусу до сего дня. Она считала Его обманщиком и лжемессией, уничижала и презирала Его.

Эти мысли, как молния, пронеслись в её уме и заставили сердце сжаться от глубокой боли. «А теперь что я делаю? Когда все благоговейно склонили колени перед Ним, я упорно сижу и даже не встану со своего места... О, Боже, – шептала Юдифь. – Но что скажет Соломон, родители, народ?» – «А что скажет Он, любвеобильный Агнец Божий?» – прозвучал как бы в ответ внутренний голос.

Забыв о родителях, о присутствии Соломона, со словами: «Прости меня, о Иешуа!» она бросилась на колени. Потрясающая, долго сдерживаемая молитва пламенного раскаяния полилась из её сердца: молитва о себе, а потом – о родителях и всём народе. Некоторые оставшиеся в собрании евреи с изумлением и недоумением посмотрели в её сторону. Соломон сидел около склонившейся в молитве Юдифи, глядя на неё недоумевающим, испуганным взором.

– О, Господь мой и Бог мой, Иешуа-Мессия! – продолжала Юдифь. – Отныне я хочу служить Тебе всем сердцем, быть Твоей рабой и принадлежать Тебе всецело. Помоги же мне идти теперь за Тобою! Аминь.

– Аминь, аминь! – повторили десятки голосов молившихся людей.

Руководивший собранием начал возносить благодарственную молитву Господу за эту овцу из дома Израилева, возвратившуюся отныне к своему Пастырю. Соломон пришёл в себя и, грубо подняв стоящую на коленях Юдифь, схватил её под руку и почти силой вывел из собрания. Фанатик-еврей со всей силой проснулся теперь в его сердце. В этом состоянии он готов был задушить своими руками ту, которую так горячо любил, или побить её камнями за то, что она назвала своим Господом Иисуса Христа, обратилась к Нему с молитвой. Юдифь, кротко повинувшись, как во сне шла вместе с ним, не говоря ни слова и не обращая внимания на его грубое поведение.

До самого дома они не проронили ни слова. Соломон шёл, тяжело дыша, в его груди всё клокотало, он задыхался от гнева на проповедника, на всех этих людей и на Юдифь. Сердце девушки, наоборот, было наполнено глубоким миром. Ей было жаль идущего рядом с ней Соломона, она чувствовала, что происходит в его сердце, поэтому сочла за лучшее хранить молчание и не вызывать у него ещё большего раздражения.

По мере приближения к дому она стала думать о том, как отнесутся к ней теперь родители и всё еврейское общество. Многие евреи были свидетелями её обращения. Наверно, в этот же вечер весть о случившемся разнесётся среди всего еврейского населения города.

Едва поспевая за Соломоном, она тихо взывала к Господу о помощи, просила, чтобы Он, Всевидящий и Вездесущий, укрепил её в предстоящие часы встречи с родителями, дал ей мудрость и терпение.

Когда они подошли к дому, Юдифь совершенно успокоилась. Её тихая молитва была услышана Тем, к Кому она обратилась за помощью. Внутренний голос говорил ей: «Не бойся, Юдифь! Будь тверда, Я сам буду с тобою». От сознания, что Господь не оставит её, тихая радость наполнила сердце девушки, и улыбка озарила её лицо.

Родители и младшие сёстры сидели в гостиной, каждый со своей работой, когда Юдифь и Соломон пришли домой. Не раздеваясь, с шапкой в руках, Соломон

молча, тяжело опустился в кресло, а Юдифь тихо прошла в свою комнату.

Опустив голову, Соломон продолжал сидеть, нервно ломая руки; тяжёлые вздохи вырывались из его груди. Родители и сёстры Юдифи с удивлением смотрели друг на друга. Они поняли, что между Юдифью и Соломоном что-то произошло.

Мать Юдифи прежде всех почувствовала сердцем грозу, неожиданно нависшую над ними. Подойдя к молодому человеку, она положила руку на его склонённую голову и спросила:

– Что с тобой, Соломон? Что между вами произошло?

Очнувшись, как бы от сна, и подняв глаза на неё, Соломон прокричал, почти задыхаясь от гнева, не будучи больше в силах сдерживать себя:

– Спросите Юдифь! Пусть она расскажет вам сама! Впрочем, не стоит, не спрашивайте её. Она – отступница! Она опозорила всех: вас, меня и весь наш еврейский народ. Об этом, наверно, знает уже весь город!

Мать, побледнев, опустилась на стул возле Соломона. Она не знала ещё, в чём дело, и с недоумением смотрела на него. Давид Вейнберг, оставив чтение газеты, серьёзно посмотрел на молодого человека. До сих пор он думал, что дурное настроение Соломона происходило от пустой размолвки между ним и Юдифью.

– В чём дело? – спросил он строго. – Что с Юдифью, чем она всех опозорила?

– Что с нашей дочерью? Скорее скажи, Соломон, – волнуясь, просила мать. – Сарра, позови скорее Юдифь, почему она не идёт к нам? Пусть расскажет сама, в чём дело! – обратилась она к младшей дочери.

Юдифь вошла в гостиную. Взоры всех обратились к ней, но девушка была совершенно спокойна, только её обыкновенно весёлое лицо стало серьёзным и сосредоточенным. Она только что закончила свою беседу с Господом. В то время, когда в гостиной происходил вышеописанный разговор, Юдифь, войдя в свою комнату, склонила колени у ног своего Искупителя и молила Его, чтобы Он открыл сердца её родителей к принятию Мессии как своего личного Спасителя.

– Помоги мне теперь, мой Спаситель! – произнесла она, когда сестра постучала в дверь её комнаты.

– Ты звала меня, мама? – обратилась она теперь к матери.

– Садись здесь, – ответил вместо матери отец, указывая ей на стул.

Юдифь молча села, чувствуя, что для неё наступила серьёзная минута объяснений. Она знала, что теперь должна открыто – перед родителями, сёстрами и Соломоном – исповедовать свою веру в Иисуса Христа как Сына Божия. А это для только что обращённой и не успевшей ещё окрепнуть Юдифи было очень тяжёлым и серьёзным шагом.

– Послушай, Юдифь, – обратился к ней отец. – Мы хотим знать от тебя самой, что ты сделала, что произошло

между тобой и Соломоном? О каком позоре для нас и нашего народа говорит он?

Юдифь слушала молча, опустив голову. Все смотрели на неё, ожидая ответа.

Наконец, после некоторого молчания, подняв голову и глядя в глаза отцу, она начала тихим, но твёрдым голосом:

– Да, папа и мама, что-то произошло. Впрочем, не между мной и Соломоном, а только со мной. Но это не позорит вас, Соломона или ещё кого бы то ни было. Я хотела бы, чтобы то же самое произошло с вами, нашим народом и вообще со всеми живущими на земле.

– Говори скорее и яснее, не заставляй нас так долго страдать, – проговорила мать.

– Да, мама, я не хочу, чтобы ты или кто-либо другой страдали, но чтобы все радовались вместе со мною. Того, что наполняет моё сердце в эту минуту и что произошло со мной сегодня вечером, я не могу передать в нескольких словах. Поэтому прошу, милая мама, извини меня, что не могу так коротко высказать.

– Она отступница, опозорившая нас всех! – воскликнул, волнуясь, Соломон, который не мог больше сдержаться и не желал, чтобы Юдифь оправдалась или повлияла на родителей.

– Отступница? – повторили родители и сёстры в один голос, вопросительно глядя на Юдифь.

– Да, отступница! Что же вы её слушаете, она – христианка!

– Христианка?! Наша Юдифь – христианка?! – повторили все в один голос снова.

– Обожди, Соломон! – уже грозно закричал отец.

Встав с кресла, он подошёл к дочери. Глядя на неё свирепым взглядом, он спросил:

– Правда ли то, что говорит Соломон?

Все притихли. Отец стоял около дочери, дрожа от охватившего его гнева.

– Ах, Давид, успокойся! Пусть Юдифь сама всё расскажет, – вмешалась мать, испугавшись гнева мужа. Она ещё никогда не видела его таким за все долгие годы их супружеской жизни. – Садись вот здесь, около меня.

Вейнберг, тяжело дыша, опустился на стоявший около жены стул.

– Ну, расскажи, что ты хотела нам сообщить? – вновь обратилась мать к сидевшей молча, перепуганной Юдифи. – Потерпи и ты, Соломон, пусть она сама расскажет нам обо всём происшедшем с нею сегодня вечером.

– Да, – начала Юдифь твёрдым и решительным голосом, – Соломон сказал правду: я действительно верю в Иисуса Христа как Мессию евреев и моего личного Искупителя и Господа.

При этих словах Вейнберг, как ужаленный, вскочил со стула, но жена удержала его.

– Ещё в детстве я слышала о Нём. Несколько раз в моём сердце происходила борьба, Мессия Он или нет? Сама я не могла решить окончательно этого вопроса. Помню, как однажды спрашивала об этом у бабушки,

помню его спор с другим раввином, который доказывал, что Иешуа – Мессия Израиля. Сегодня мы с Соломоном пошли на христианское собрание, ведь к ним приехал из другого города проповедник. Слушая чтение Библии и его проповедь, я окончательно поняла, что Он, то есть Иешуа, действительно Мессия, Сын Благословенного, Который нашими предками был распят на кресте и умер как предназначенный для мира Агнец Божий. Увидев всё это так ясно, я отдала Ему моё сердце; и отныне я, ваша дочь, – Его раба и последовательница.

Во время этого объяснения Юдифь видела, как быстро менялось выражение лиц отца и матери: в их душах происходила страшная борьба, они с большим усилием сдерживали себя.

При последних словах Юдифи мать, схватившись за голову, громко заплакала. Отец встал и начал ходить взад и вперёд по комнате, ломая руки. Сёстры и Соломон сидели молча, со слезами на глазах.

– Уйди с моих глаз! – вдруг проговорил Вейнберг, задыхаясь от гнева и указывая дочери на дверь.

Опустив голову, Юдифь тихо вышла из комнаты.

Глава 4

Гонимая за имя Христа

Вражда родителей.

Клятва матери убить дочь.

Изгнанная из дому. Доверившаяся Господу

Около часа продолжался истерический плач матери. Отец отправил других дочерей спать. Соломон сидел, понурился, погрузив голову.

– Горем и слезами, Рахиль, мы делу не поможем, – обратился Вейнберг к жене, немного успокоившись. – Нужно что-то предпринять. Мы все трое любим Юдифь и сознаём, насколько губителен для неё и тяжёл для нас сделанный ею шаг. Но, быть может, общими силами мы ещё сможем спасти её от этого пагубного увлечения. Было бы хорошо, если бы ты, Соломон,

спокойно, по порядку рассказал нам теперь, как всё это произошло. Ведь в последнее время ты был с ней вместе больше, чем мы. Мы доверили тебе нашу дочь.

– Да, – добавила мать Юдифи, успокоившись от рыданий, – расскажи нам, Соломон, обо всём!

И Соломон описал родителям все уже известные нам обстоятельства, вплоть до событий этого вечера. Он рассказал, что в последнее время Юдифь увлеклась религиозными вопросами, делилась с ним своими мыслями, в которых он ничего плохого не подозревал и отчасти даже сам их разделял. В этот вечер, желая удовлетворить её давнишнее желание познакомиться с другими религиями, а также и своё любопытство, которое возбудил в нём приезжий совратитель своими афишами с призывом к еврейскому народу, он решил пойти с Юдифью на христианское собрание.

После короткого молчания Соломон продолжил:

– И вот там, в этом собрании, произошло нечто, чего я не ожидал и не мог допустить даже в мыслях. Приехавший евангелист доказывал, что Иешуа – действительно Мессия Израиля и Спаситель мира. При этом он цитировал еврейских пророков, говоривших о пришествии Мессии. Наблюдая за Юдифью, я заметил, как внимательно следит она за речью проповедника, ловя каждое его слово. Я хотел увести её, но каждый раз уступал её просьбам и оставался. Мне было страшно неприятно и больно за неё. Это правда, я не верил в Бога, но для меня, еврея, было больно внимание

Юдифи к речи этого человека, которая, как мне показалось, была направлена исключительно к обвинению евреев в убийстве Иешуа.

Когда говоривший закончил свою речь, все присутствовавшие на собрании, по его предложению, склонили колени для молитвы. Многие из евреев вышли из помещения, некоторые же остались сидеть, как видно, из любопытства. Я тоже, поднявшись, хотел уйти, но Юдифь удержала меня и на этот раз...

Мы с нею сидели позади всех; и вот, после молитвы одного человека Юдифь вдруг быстро опустилась на колени и начала молиться так же, как и эти люди. Сидевшие впереди нас евреи посмотрели в нашу сторону. Я был ошеломлён всем этим, не знал, что делать. Боль наполнила моё сердце. Было стыдно смотреть на оставшихся в зале евреев. Я был до крайности оскорблён и унижен.

Придя немного в себя и подняв её с колен, я почти бегом выскочил вместе с ней из этого ужасного дома. Вот всё, что я знаю и могу вам о ней сказать. Любовь к Юдифи борется в моей груди теперь с другими, вызванными этим происшествием чувствами. Я не могу дать себе ясного отчёта в том, что со мной происходит. Я не верил до сего дня в Бога, не был религиозным человеком, но странно, я чувствую, что Юдифь оскорбила все мои святые и глубокие чувства! Я вижу из всего этого теперь, что Бог есть и что евреи – единственный народ в мире, имеющий правильное понятие о Нём

и правильную, данную самим Богом религию. Юдифь же стала сознательной отступницей от Бога и религии своих отцов, она всё отбросила и попраала!

Что я должен теперь делать? Ведь она – моя невеста, вскоре мы должны были сочетаться браком. Как быть теперь? Я не могу больше показаться вместе с ней в еврейском обществе. Многие из наших были свидетелями её неистовой молитвы, в которой она просила Иешуа, чтобы Он обратил к Себе весь наш еврейский народ. Они видели и меня вместе с ней... Для меня она теперь совершенно потеряна! Мы не можем больше любить друг друга, даже более того: мы не можем быть друзьями... О, как могло такое случиться? Юдифь, Юдифь! – простонал Соломон, схватившись за голову.

В продолжение всего рассказа Соломона родители сидели молча, совершенно подавленные горем. На лице отца отражалась страшная внутренняя борьба. Мать сидела, склонив голову, со слезами на глазах. Они оба вполне сочувствовали молодому человеку и понимали его состояние. Глубоко страдали они за свою дочь.

Когда Соломон умолк, Вейнберг, взяв его под руку, подвёл к жене:

– Ты знаешь, Соломон, что наши сердца были привязаны к тебе, как к родному сыну. Мы любили тебя всем сердцем, любим и теперь – не меньше. Мы знаем, что и ты нас любишь. Теперь мы потеряли ту, которая нас так крепко связала друг с другом и которую мы все так горячо любим. Мы думали, что она принесёт

нам много радости в будущем, но она принесла такое страшное горе, которое мы не знаем, как устранить.

Когда она час тому назад, сидя здесь, сказала, что стала христианкой, я не понимал, что со мной происходит. Если бы не жена, не знаю, что мог бы я сделать в тот момент с моим ребёнком. Я ещё не знаю, что предпринять, как с ней поступить, но всё же не хочу отчаиваться. Юдифь с раннего детства удивляла нас своим живым умом и не по летам глубокими вопросами. К тому же она была всегда крайне впечатлительна. Быть может, к нашей общей радости, нам ещё удастся вернуть её к религии отцов. Придётся теперь всем троим приложить все старания и употребить все средства, чтобы повлиять на неё.

Теперь, думаю, лучше всего оставить её в покое на несколько дней, пусть она одумается и раскается в своём поступке. Строгостью едва ли удастся чего-нибудь достигнуть. Я очень сожалею о моей сегодняшней несдержанности. В этом отношении нашему народу нужно желать очень многого, но что делать – темперамент! Постараемся теперь достигнуть цели любовью, увещаниями и просьбами. Может быть, если понадобится, придётся пригласить и нашего уважаемого раввина для беседы с нею. А потом увидим, что делать дальше, – закончил Вейнберг.

– Да, ты прав, Давид, – согласилась его жена, – мы должны сделать всё, чтобы спасти нашего ребёнка, нашу любимую Юдифь! И ты, Соломон, поможешь

нам в этом, не правда ли? Ты можешь повлиять на неё, ведь я знаю, как горячо любит тебя наша Юдифь!

– О, да, – ответил ободрившийся молодой человек. – Простите горячность моих суждений. Быть может, и в самом деле моя Юдифь ещё не совсем потеряна для меня. Всё, что зависит от меня, я готов сделать ради неё!

Было уже около трёх часов ночи, когда Соломон возвратился домой. Остальную часть ночи как он, так и Вейнберги провели почти без сна. Обращение Юдифи в христианство стало для них неожиданным и тяжёлым ударом.

А в это время в другой части дома шла беседа другого рода, не похожая на первую и необыкновенная в этом доме. Она происходила не между людьми, а между человеком и Богом.

Выйдя, по приказанию отца, из комнаты, Юдифь почувствовала себя совершенно разбитой. Она привыкла с раннего детства жить в любви у всех окружавших её и теперь в первый раз в жизни почувствовала, что потеряла эту любовь. Она увидела, что её возненавидели самые близкие и дорогие ей люди.

Юдифь любила всем сердцем своих родителей – редко можно было встретить такую нежную детскую привязанность. Соломон был также дорог её сердцу. Уже несколько лет прошло с тех пор, как они встретились и полюбили друг друга. Он был всегда необыкновенно внимателен и нежен с ней. Она знала, что он любит её всей душой. И вот теперь они выгнали её из комнаты.

А всегда нежный и заботливый отец был сегодня так страшен, когда он, весь дрожа от гнева, стоял перед нею, и если бы не мама, то, кажется, готов был бы убить её там же, на месте. При этом воспоминании сердце девушки наполнилось щемящей болью. Она почувствовала себя совершенно беспомощной и одинокой в этом мире. Нет больше тех, с которыми она могла бы поделиться своим невыносимым горем. Нет человека, на груди которого она могла бы выплакать всё, чем наполнено сердце. Мать, отец, Соломон, сёстры, весь народ – все оттолкнули её из-за Господа Иисуса. Юдифь ясно сознавала, что теперь всё порвано между ними. Она чувствовала себя подобно человеку, сброшенному в море с палубы парохода, не чувствуя под ногами твёрдой почвы и не видя вблизи берега.

Долго в этот вечер раздавалось тихое рыдание в её комнате. Это было первое тяжёлое горе в её жизни. Когда прошёл первый приступ рыданий, Юдифь поднялась с постели, на которую упала в изнеможении, войдя в комнату, и села на стоявший у окна стул.

Была тихая лунная ночь. Яркие звёзды переливались и мерцали, как огоньки. Девушка устремила свои заплаканные глаза на чудную картину зимнего звёздного неба. Погрузившись в созерцание, она просидела так некоторое время.

– Ты велик, мой Бог, в Твоём творении! – проговорила она вслух, отрывая свой взор от звёздного неба.

Её сердце начало наполняться миром. Сидя у окна, она припомнила всю свою жизнь – от раннего детства, когда с родителями жила ещё там, в отошедшем теперь от России западном крае. Она вспомнила вопросы о Боге, возникавшие в её сердце, когда отец рассказывал ей с сёстрами историю их народа. Эти рассказы так возбуждали её детский разум и укрепляли желание больше узнать о Боге.

Вспомнила она и ту, знаменательную в её жизни, случайно подслушанную беседу дедушки с раввинами. Вспомнила также последующую свою беседу с дедушкой. Одна за другой проносились перед ней картины детства: их бегство в начале войны, путь от фронта до города, где они теперь жили, первая встреча с Соломоном и последнее радостное и счастливое время, когда они были женихом и невестой. Вся эта панорама прошлого быстро пронеслась перед её взором.

«Это был сладкий сон, сменившийся страшной, суровой действительностью! – подумала Юдифь. – Но что же дальше, что ждёт меня теперь? Сон миновал, картина моей жизни изменилась. И слава моему Искупителю, что Он вывел меня из этого сна! Лучше проснуться здесь, на земле, и жить действительной жизнью, чем открыть свои глаза только лишь при переходе в вечность и видеть перед собою страшные последствия духовного сна на земле».

Своим живым и развитым умом Юдифь взвешивала теперь всё, что было за и против её сегодняшнего

решения. Она не старалась обольстить себя обманчивыми картинами предстоящей жизни. В последнее время она много читала еврейские Писания. При этом её более всего поражало, что все пророки, истинные служители Иеговы, переносили гонения, а некоторые приняли мученическую смерть. Она вспомнила о том, что и Сам Господь Иисус Христос тоже, будучи распят, умер мучительной смертью.

– Если ты хочешь идти за Ним, хочешь быть Его рабой и ученицей, тебя ожидает та же участь, Юдифь, – произнесла она вслух. – Первый шаг уже сделан. Наверно, весь город узнал об этом. Завтра на улице все наши будут кивать головами в мою сторону и показывать на меня пальцами... Пойти обратно? О, сохрани меня от такой мысли, мой Искупитель! – проговорила она вновь, и с этими словами, склонив колени у ног своего Искупителя и Господа, забылась в молитвенной беседе с Ним.

Продолжительная и горячая молитва возносилась к Всевышнему в её освещённой луной комнате:

– Ты знаешь, что душа моя с детства искала Тебя, мой Господь! Сегодня Ты, по милости Своей, открылся мне в Твоём Слове. Ты омыл моё сердце Своею кровью. Но Ты знаешь и видишь, что меня все оставили из-за Тебя. Все близкие, которых я так люблю, возненавидели меня и оттолкнули от себя. Нет больше у меня друга на земле, нет никого, кто помог бы мне советом и поддержал бы в борьбе. Я одна, совершенно одна...

Ты же знаешь, что я – слаба, не знаю ещё Твоих путей, не знаю, как идти. Не оставляй меня, не дай мне отступить теперь от Тебя в моей слабости и немощи. Ты знаешь всё, что теперь может встретить меня в жизни; я же не знаю этого, помоги мне, мой Господь, во всяких тяжёлых случаях, когда я буду изнемогать и не в силах буду бороться с трудностями.

Долгое время эта детская, простая молитва звучала в её комнате. В ночной тиши Юдифь беседовала со своим Искупителем, как будто бы Он стоял перед нею в Своём телесном виде. Она не сомневалась, что Он действительно находится с нею в этот тихий час ночи. От этой детской простой молитвы глубокий мир наполнил её сердце.

– Я готова всюду пойти за Тобою! Да будет, мой Господь, Твоя воля во всей моей жизни отныне и навсегда! – так Юдифь закончила свою беседу с Господом.

Когда она поднялась с колен, её освещённое луной лицо сияло тихой внутренней радостью и миром. Совершенно успокоившись в своём Искупителе, она забылась крепким и спокойным сном. Тот, к Кому она обращалась в молитве, послал Своего светоносного ангела охранять её и поддерживать в пути к небесной и вечной отчизне.

* * *

Теперь для Юдифи настали тяжёлые дни испытаний, искушений и гонений со всех сторон. Родители

и Соломон прилагали все силы и употребляли всевозможные средства для отвращения её от веры во Христа Иисуса. Были уговоры, приглашения в театр, на танцы и т. д. Но от всех этих раньше любимых развлечений она раз и навсегда наотрез отказалась. Девушка считала преступлением перед Богом пойти в театр или присутствовать на вечере танцев. Она говорила: «Мне нет места в тех местах, где нет Иисуса, моего Господа! Я должна быть лишь там, где может быть Он». Все уговоры родителей и Соломона оказались тщетными, и они всё более теряли надежду, а вместе с ней – всякую сдержанность и терпение.

Несколько раз мать, оставшись наедине с дочерью, со слезами упрашивала её оставить свои убеждения и, раскаявшись, возвратиться к вере отцов. Эти мольбы и слёзы любимой матери были самым сильным и великим искушением и испытанием её веры.

– Подумай, Юдифь, о твоём будущем! – говорила мать. – Ведь ты совершенно оставляешь свой народ! Весь город смотрит на тебя как на отступницу. Пожалей нас, разве ты не замечаешь, как страдают из-за тебя твои родители? Твои подрастающие сёстры тоже каждый день оплакивают твой поступок. Им тяжело показаться в еврейском обществе из-за тебя, на них смотрят с презрением и насмешками. Вчера девочки пришли с вечера со слезами. Руфь заявила, что она теперь никуда не выйдет из дому. Говорит, все спрашивают, где Юдифь, и не хотим ли и мы все перейти

в христианство. Юдифь, неужели тебя не трогает наше страдание? А посмотри на твоего Соломона, что ты с ним делаешь? Насмешки и укоры сыплются на него со всех сторон. Ты больше не идёшь с ним ни в одно из увеселительных мест, и он тоже сидит целыми днями дома. Если так будет продолжаться дальше, то он, в конце концов, откажется от тебя. Кто захочет иметь своей женой отступницу-еретичку?

– Знаешь, мама, – ответила Юдифь, – я всё это вижу и знаю. Моё сердце болит за всех вас, за Соломона и весь наш народ. Но, мама, не могу же я оставить Бога и Его повеления?! Если бы я сделала теперь этот шаг, я стала бы действительно отступницей, и мой грех перед Ним был бы тяжким, сознательно сделанным грехом. Этим я променяла бы вечное на временное и небесное – на земное. Я всех вас люблю не меньше, а даже гораздо больше, чем раньше; так же я люблю и Соломона, но ходить с ним по увеселительным местам не могу. Все эти места противны моему Господу, моему небесному Жениху, а я хочу быть Его верной невестой, преданной Ему больше, чем кому-либо из людей.

До сих пор мать терпеливо слушала свою дочь, но тут с гневом и задыхаясь от волнения она закричала:

– Неверная еретичка, отступница! Ты опозорила наше имя, наш род! Ты стала тёмным пятном нашего семейства и своего народа! Уйди с моих глаз, я не хочу больше тебя видеть! – с этими словами мать выбежала из комнаты.

После этой беседы с матерью произошёл памятный нам, описанный выше разговор между родителями Юдифи и Соломона. Они решили пригласить раввина для беседы и увещевания Юдифи. Однако результатом беседы было лишь то, что Юдифь ещё больше утвердилась в евангельской истине, увидела неправоту религиозных вождей еврейского народа, которые всеми силами держат людей в неведении относительно Иисуса Христа и Его Евангелия.

Однажды, часов в одиннадцать дня, раздался настойчивый стук в дверь комнаты Юдифи. В это время она сидела с рукоделием в руках. В последние дни она вообще очень редко выходила из дому. Отчасти ей некуда было пойти: старые друзья и знакомые отвернулись от неё, а за посещением верующих той общины, где она обратилась к Иисусу, зорко наблюдали родители и всеми силами старались этому препятствовать. Вообще, они теперь следили за каждым её шагом, поэтому девушка предпочитала оставаться дома.

Услышав стук в дверь, она подумала, что, наверно, кто-либо из родителей или Соломон снова пришли со своими просьбами, и попросила войти. Дверь открылась, и Юдифь с удивлением увидела на пороге своей комнаты знакомого ей престарелого раввина. Она сразу поняла причину его прихода и, быстро подвинув ему стул, предложила сесть.

– Знаешь, дочь моя, я пришёл сегодня, чтобы кое-что узнать от тебя, – обратился к ней раввин. – Недавно я услышал, что ты изменила религии наших отцов, данной нам Самим Иеговой, и перешла в христианскую, точнее сказать, языческую ересь. Но я не хотел поверить в то, что член славного рода Вейнбергов стал отступником, пока, наконец, вчера вечером мне не пришлось услышать об этом от твоих родителей.

Мне жаль тебя, дочь моя, и я надеюсь, что ты возвратишься в лоно синагоги и к твоему народу, – продолжил раввин. – Твоя молодость и неопытность содействовали тому, что ты вдруг поскользнулась на пути веры, но наш народ и синагога, ради твоих предков, готовы простить тебе этот грех, если ты раскаешься, хотя бы ты действительно и совершила этот поступок. Я также готов помочь тебе выйти из создавшегося положения. Скажи же мне, дочь моя, открыто, правда ли то, что говорят о тебе? Если это так, то готова ли ты просить о прощении, раскаявшись в твоём тяжком прегрешении? – добавил раввин, глядя ласковым отеческим взором на сидевшую против него девушку.

– Да, уважаемый равви, я готова рассказать вам всё, как есть, – ответила Юдифь. – Что касается измены данной Самим Иеговой религии, то этой измены с моей стороны не произошло.

Раввин приветливо кивнул головой.

– Относительно же моего перехода в христианскую, или, как вы называете, языческую ересь, то заявляю

вам, уважаемый равви, что о таковой ереси я совершенно ничего не знаю.

– Как же так, дочь моя? Значит, всё, что мне пришлось услышать, – неправда? – спросил удивлённый раввин. – Неужели это только девичья шалость с твоей стороны? Даже и это, дочь моя, очень нехорошо.

– Нет, равви, прошу вас, выслушайте меня до конца. Дело в том, что давно, ещё в детстве, я слышала, что существует христианская ересь, которая берёт начало от еврея по имени Иешуа из Назарета. Меня тогда учили ненавидеть этого Иешуа, а Его последователей считать гоями. Когда я была ещё ребёнком, я верила всему этому и старалась так поступать, думая, что этого требует Бог. Когда же я стала подрастать и научилась размышлять, то сказала себе: «Если я кого-либо люблю, то должна знать, за что люблю; если же ненавижу, то должна знать также, за что я должна ненавидеть». Не так ли, уважаемый равви? Вы мудрее меня и можете сказать мне, если мой вывод не совсем логичен.

– Это верно, дочь моя, ты рассуждаешь правильно, – согласился раввин, глядя на неё с недоумением и тревогой.

– Так вот, я и решила применить это правило в данном случае, т. е. относительно Иешуа. Я сказала себе, что должна знать, почему нужно Его ненавидеть. Для этого начала исследовать Тору и пророков, а потом и жизнь Иешуа по евангельскому описанию. При этом исследовании я всё более и более убеждалась, что Он не

обманщик, как мне внушали с детства, но обещанный Богом и пришедший к Своему народу Мессия, Сын Благословенного. Иными словами, Иегова, Который раньше открывался Израилю в различных формах, принял плоть человека и пришёл как Иешуа из Назарета. Этому, уважаемый равви, я глубоко верю, а также прошу Господа, чтобы мои родители, вы и весь наш израильский народ не противились Ему более, а приняли Его как своего Мессию. Я верю, равви, что рано или поздно Израиль должен будет принять Иешуа, воззрит на Того, Которого пронзили, как говорит пророк Захария.

По мере того как старый раввин слушал речь Юдифи, его ласковый взор всё более и более изменялся. Сначала он стал серьёзным, затем в нём появились искры гнева, и наконец, злобно сверкая глазами, раввин вскочил со стула и начал бегать по комнате, нервно теребя седую бороду. Он стал совершенно неспособен к дальнейшей беседе и вместо разумного увещевания и доказательства неправоты своей собеседницы, потеряв от гнева всякое самообладание и приличие, начал проклинать девушку, всех христиан и Самого Иисуса.

– Таких нужно совершенно искоренить из среды нашего народа! – заметил раввин, прощаясь с родителями Юдифи. – Она погибла безвозвратно, сделать что-либо с ней совершенно невозможно. Жаль, что языческие законы страны, в которой мы живём, не позволяют нам выполнить обычай и побить её камнями. Она достойна этой казни. Советую вам удалить её из среды

нашего общества, причём как можно скорее, дабы она не стала сетью для других евреев. Вы не должны иметь с этой еретичкой никакого общения, это воспрещает синагога!

Юдифь и в самом деле становилась всё более опасной для еврейского общества. Несмотря на все преграды, она продолжала идти своим путём, старалась посещать христианские собрания и, где только открывалась малейшая возможность, свидетельствовала перед евреями, что Христос – действительно Мессия Израиля и Спаситель мира. Родители и Соломон, испробовав все средства к отвращению её от истины, теперь совершенно изменили своё отношение к девушке. Они стали её злейшими врагами и настоящими тиранами.

С Соломоном у неё произошёл окончательный разрыв – этого требовала синагога и родители обеих сторон. Теперь в своей среде она была окружена ненавидевшими её людьми. Последнее время ей запрещали выходить из дому. Когда же Вейнбергов посещал кто-либо из знакомых, её закрывали на ключ в её комнате. Среди еврейского общества родители распространили слух, что их дочь психически больна. И когда гости спрашивали иногда, где Юдифь, и желали её видеть, то мать отвечала, что она становится буйной и выпустить её из комнаты или пойти к ней очень опасно.

Юдифь неоднократно слышала, как мать говорила о ней другим как о помешанной, и сердце девушки наполнялось в такие моменты ещё большей болью. В этих

случаях она всегда обращалась в молитве к своему Искупителю, Который поддерживал её во всех этих невыносимых для её слабых сил испытаниях.

Наконец, вскоре после посещения раввина, по его предложению, родители сочли за лучшее совершенно удалить её из своего дома. Однажды родители, оставшись с нею наедине, ещё раз попробовали воздействовать на неё просьбами и, наконец, угрозами.

Увидев бесполезность всех своих усилий, отец заявил:

– Всё, что было возможно, мы сделали для твоего блага, старались спасти тебя от гибели, но всё оказалось напрасным. Вместо того чтобы оставить эту ересь, ты, как мы теперь убедились, всё больше и больше погружаешься в неё. И этого тебе ещё не достаточно, ты всеми силами стараешься заразить этой ересью твоих сестёр и всех, с кем встречаешься. Дальше так продолжаться не может. Теперь избирай одно из двух: или ты сегодня же откажешься от ереси, или же завтра оставишь дом и пойдёшь, куда хочешь. До завтрашнего дня ты должна окончательно решить этот вопрос. Это – наше последнее слово!

Как мы видели, жизнь Юдифи в доме родителей стала невыносимой. Но это последнее заявление девушка восприняла как ещё больший удар. И когда она осталась одна в своей комнате, в её душе происходила сильная борьба. Она видела, что пропасть между нею и всем, что ей было так мило и дорого, с каждым днём увеличивается. Её народ уже давно с презрением

отвернулся от неё, между нею и Соломоном всё конечно – и теперь настал самый тяжёлый момент. Об этом Юдифь ещё никогда не думала, хотя это было неизбежное следствие её обращения к Христу. Она не допускала мысли, что родители могут так поступить с ней.

Теперь она оказалась перед самым тяжёлым выбором в своей жизни, разрешение которого было совершенно ей не под силу.

Но Тот, Кто обещал быть со Своими служителями во все дни и до скончания века, был близок к Юдифи и в этот важный момент. Давно уже привыкла она прибегать к Нему за помощью в трудные моменты, которых у неё, после обращения в христианство, было так много. Как горы, вырастали перед нею одно затруднение за другим. Слабая и одинокая, она всё же с Его помощью и защитой могла всё перенести, и, забывая прошлое, Юдифь с верою простиралась вперёд, идя по стопам своего Господа и Учителя.

И в этот момент, прежде чем подумать, что она должна предпринять в данном случае и что ответить родителям, она преклонила колени у ног Того, Кому могла принести это непосильное бремя. Когда кончилась её беседа с Господом и она встала с колен, решение её было вполне и бесповоротно принято. Она теперь не допускала и мысли оставить своего Искупителя ради отца, матери или кого-нибудь другого.

Свою будущность она тоже принесла к ногам Господа в горячей молитве и была вполне уверена, что Он

не оставит её без Своей милости и помощи. Недаром же Иисус призывает к Себе всех труждающихся и обременённых! В последний раз она легла в свою постель в родительском доме. Глубокий мир наполнил её сердце, и она была совершенно готова покинуть завтра этот дом навсегда.

Остаться в городе Юдифь не намеревалась ни одного дня, поэтому решила, если будет нужно, уехать как можно дальше от всех своих бывших друзей и знакомых – в город, где, как она знала, есть большая община верующих христиан, подобных тем, среди которых она нашла Господа. Юдифь надеялась, что в большом городе сможет найти какое-нибудь занятие, чтобы зарабатывать необходимые для жизни средства. Приняв это решение, она забылась в спокойном сне.

Утром, встретившись с родителями за завтраком, Юдифь, со слезами на глазах, сообщила им о своём решении покинуть их дом, если они этого требуют.

– Папа, – обратилась она к отцу, – вчера вы с мамой требовали, чтобы я сделала выбор между вами и Господом. Я много об этом думала, молилась и решила, если вы этого требуете, лучше оставить дом... – дальше она не могла произнести ни одного слова, сильные рыдания заставили её выйти из-за стола и удалиться в свою комнату.

– Ничего нельзя сделать! Эти люди совершенно погубили Юдифь, – взволнованно проговорил Вейнберг, когда дочь вышла из столовой. – Пусть уйдёт,

дальнейшее её пребывание в нашем доме совершенно невозможно!

– Да, это необходимо, – согласилась мать. – Юдифь потеряна для нас. Однако у меня появляется иногда надежда на её возвращение... На днях я узнала, что она ещё не считается членом христианской общины. Оказывается, когда они принимают в свою среду новых членов, то обыкновенно крестят их, погружая в воду. Юдифь, как я узнала, ещё не была крещена. Это обстоятельство заставляет меня надеяться, что она может возвратиться. Пока ещё не всё потеряно. Нам придётся приложить все старания, чтобы она не осталась в этом городе. Её пребывание здесь будет для нас большим позором. При этом, находясь вблизи общины, она может окончательно к ней присоединиться, и тогда всё кончено. Будет очень хорошо, если она уедет отсюда. Жизнь вдали от дома может содействовать её отрезвлению. Пусть-ка попробует жить самостоятельно!

В этот момент Юдифь, успокоившись от охвативших её рыданий, вновь вышла к родителям. Заняв своё место за столом, она продолжала:

– Я сказала вам, что хочу уйти из дому, и думаю, что оставаться мне здесь – нехорошо для вас и для меня, поэтому я решила уехать в другой город. Так будет гораздо лучше!

После короткого молчания отец заметил:

– Хорошо, ты можешь уехать. Сегодня я постараюсь достать для тебя билет, и завтра с утренним поездом

ты поедешь. Приготовь ей одежду и всё, что нужно для дороги, – обратился он к жене, – а я должен идти по делам! – с этими словами он вышел из дому.

Уложив вещи, Юдифь успела забежать на короткое время к некоторым членам христианской общины, чтобы проститься с ними и сообщить о своём отъезде. Верующие давно знали о переносимых Юдифью страданиях и часто на своих молитвенных собраниях и в домах возносили горячие молитвы к престолу Господа, дабы Он Сам помог ей всё перенести и устоять в истине, а также чтобы Он облегчил её страдания. Поэтому известие об отъезде девушки все члены общины встретили с большой радостью и благодарностью Богу, видя в этом прямой ответ на усиленные молитвы. Теперь, прощаясь с нею, они призывали на неё Господнее благословение и напутствовали её добрыми пожеланиями. Проповедник общины снабдил её адресами некоторых знакомых ему верующих и письмом к проповеднику общины в том городе, куда она поедет, прося принять Юдифь как верную служительницу Христа и оказать ей помощь в незнакомом для неё городе.

Прощание с родителями и сёстрами было очень коротким и сухим. Все они смотрели на неё как на врага, мать и сёстры не пожелали даже проводить её на вокзал. Холодное отношение близких при прощании тяжёлым камнем легло на сердце девушки. Но Господь, Которому она отдала себя и ради Которого всё переносила, не

хотел, чтобы она уехала из города, подавленная чрезмерной печалью, и устроил ей торжественные проводы.

Когда в сопровождении отца Юдифь приехала на вокзал, она была совершенно смущена от неожиданности. На перроне присутствовали все члены христианской общины! Дочь проповедника, её бывшая школьная подруга, встретила Юдифь с большим букетом цветов от кружка христианской молодёжи. Прощание верующих с отъезжавшей Юдифью было действительно трогательным. У каждого нашлось для неё слово утешения, ободрения или напутствия. Приехавший с нею на вокзал отец стоял в стороне и, отвернувшись от дочери, беседовал со знакомыми евреями.

Когда поезд тронулся, на перроне раздалось чудное пение прощального христианского гимна:

*«Пробил уже разлуки час,
расстаться мы должны,
о том, что скорбит сердце в нас,
лишь знает только Бог да мы...»*

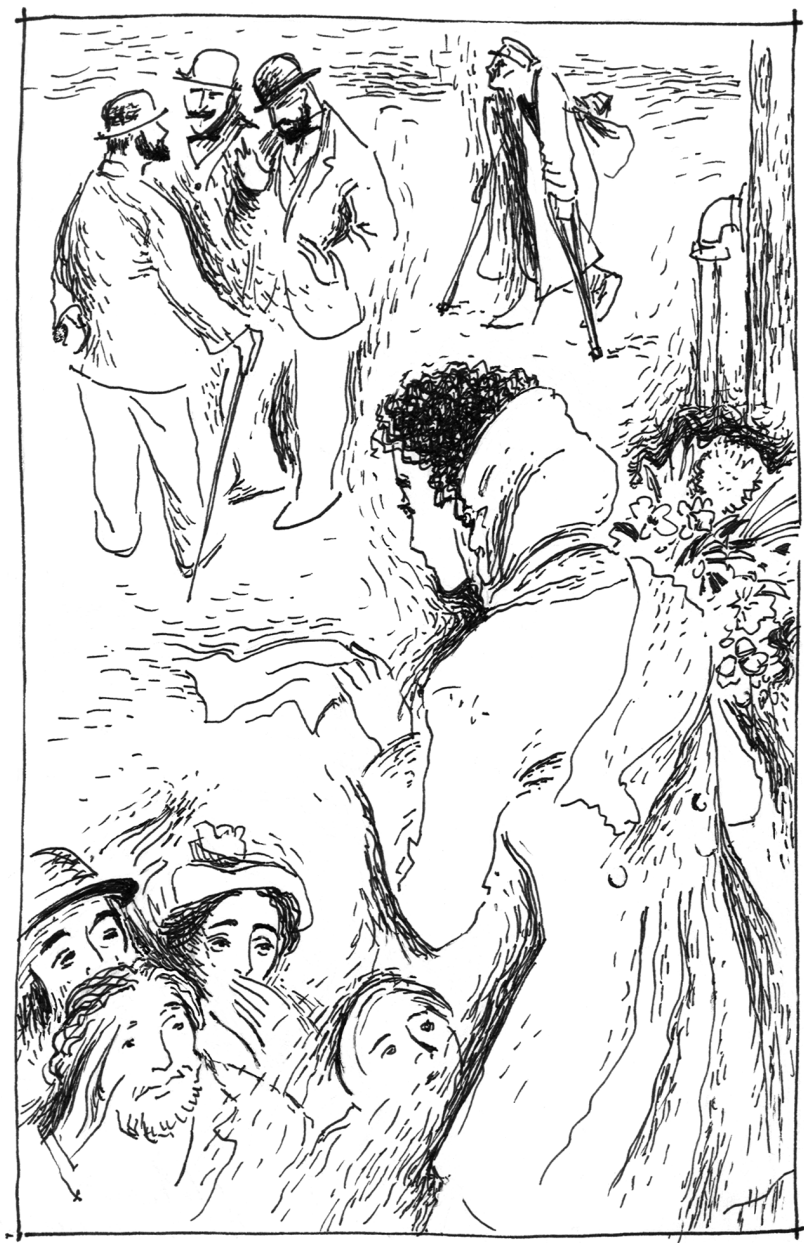
Многие пели эти слова со слезами на глазах, всем было жаль расставаться с Юдифью. Они полюбили её всем сердцем как верную служительницу Христа. К печали разлуки примешивалась, однако, радость от сознания того, что девушка освободилась от переносимых ею в доме родителей страданий и испытаний.

Смешанное чувство радости и глубокой тоски наполняло сердце Юдифи, когда она, стоя у открытой

двери вагона, махала платочком провожавшим её близким в Господе друзьям. Ей было тяжело, у отца не нашлось для неё ни одного слова напутствия и пожелания; он как будто не замечал, что с поездом уезжает его дочь, и даже не сказал обычного «до свидания».

Поезд, ускоряя ход, удалялся от вокзала. Долго ещё стояла Юдифь у открытой двери вагона, глядя на оставшийся позади город, где ей пришлось так много испытать за последние годы. Здесь пережила она первую любовь к Соломону и была счастливейшей невестой и здесь же добровольно отказалась от этой любви ради любви к своему Искупителю и Господу, Которому навсегда отдала своё юное сердце. Здесь пришлось ей впервые в жизни перенести тяжёлые испытания и людскую ненависть. Эти испытания были настолько тяжелы, что, если бы не Господь, она не смогла бы их перенести. Здесь, в этом городе, она порвала связь с горячо любимыми родителями, сёстрами и своим народом. Она отказалась совершенно от всего земного, временного, что было ей так дорого и мило, чтобы направиться к небесному, непреходящему...

Всё это досталось Юдифи не без усиленной, героической внутренней борьбы и самоотречения. Одна только пламенная любовь к Господу дала её слабому сердцу мужество всё перенести и остаться на том пути, на который она однажды стала. Теперь она – изгнанница из родного дома и своего народа!

При этой мысли тоска снова сжала её сердце и слёзы покатались по бледным щекам. Она взглянула в последний раз на скрывающийся вдаль город, и тяжёлый вздох вырвался из её груди.

– Прощайте все, и, может быть, навсегда, – произнесла она вслух и вошла в вагон.

В купе не было никого, и она была рада и благодарна Господу, что может остаться на некоторое время совершенно одна. «Вот и я, подобно Аврааму, сделалась странницей и пришельницей, – подумала девушка. – Родство, друзья – всё осталось позади. Слава Тебе, мой Спаситель, что Ты, не оставивший Авраама и всех верных Твоих детей, не оставишь и теперь Твою слабую служительницу!» После этой короткой молитвы Юдифь тихо запела свою любимую песнь, которую часто исполняла в собрании верующих, а также наедине, в своей комнате, во дни тяжёлых испытаний:

*«Возьми меня отныне и впереди
По жизненной долине, Господь, веди.
Не мог бы я тропюю Твоей идти,
Но если Ты со мною, я твёрд в пути».*

Эта песнь выливалась горячей мольбой из глубины её сердца. Господь, обещавший быть во все дни и до окончания века с теми, кто отдал Ему своё сердце, был верен и в отношении Юдифи. Добрый Пастырь заботился о Своей одинокой овечке, и она могла всегда и во всём находить покой у Него на груди. Во дни испытаний

она привыкла доверять Ему вполне. Так и теперь она всецело доверила Ему своё неизвестное будущее. Она знала, что первым Другом, Который встретит её в неизвестном городе, будет Тот, Который провожал её и охраняет теперь в пути. Ведь Бог обещал хранить выхождение и вхождение Своих детей на земле!

Надежда Юдифи на Бога не оказалась тщетной. Он действительно не оставил её. Юдифь покинула ради Него дом, родителей и свой народ, а теперь приобрела во сто крат больше братьев и сестёр. Она приобрела другой народ – народ Божий, не только по наименованию таковой, но принадлежавший Господу и действительно служивший Ему от всего сердца. В этот народ Божий входят все живущие на земле народности – через веру в Бога и обращение ко Христу.

Имея несколько адресов верующих семейств и письмо к проповеднику общины в этом большом городе, она поехала прямо с вокзала по последнему адресу. Позже вся община и верующая молодёжь постарались сделать всё возможное, чтобы оказать Юдифи необходимую помощь в её теперешнем положении.

При их содействии Юдифь вскоре нашла себе работу в канцелярии одного из городских учреждений. Её сердце было глубоко тронуто и наполнено благодарностью к Господу за любовь, которую она встретила со стороны Его детей при отъезде, а также теперь, на новом месте. Через эту заботу и любовь христиан она ещё больше прилепилась всем сердцем к Господу

Христу, укрепились в вере и ещё больше полюбила Его народ, членом которого сама стала.

Жизнь Юдифи была исполнена Божиим благословением. Он как будто воздавал ей теперь за всё, что она перенесла раньше. Зарабатывая пропитание и не будучи ни от кого зависима, она могла без всяких преград служить Богу от всего сердца. И Юдифь действительно служила: вошла в скором времени в кружок христианской молодёжи, помогала в хоре, любя детей, принялась за работу в воскресной школе, а также свидетельствовала о Господе на собраниях молодёжи, на службе и везде, где только была хоть малейшая возможность.

Свидетельство словом она сопровождала делом. Выросши в полном достатке и не зная никакого тяжёлого труда, она стремилась теперь всеми силами помогать тем, кто был слаб и неспособен к труду. Вместе с группой верующих сестёр посещала больных на дому, ухаживала за ними и помогала, как могла. Эта помощь ближним и нуждающимся была величайшей радостью и благословением для неё и других. Её скромное стремление служить ближним увлекало других верующих братьев и сестёр из кружка молодёжи, в который Юдифь внесла новый поток радости и благословений.

Пришла весна. Снова всё зацвело и зазеленело. Леса и луга, оглашённые весёлым пением птиц, вновь оделись в свои брачные наряды. Жизнь как бы воскресла после долгой и холодной зимы. Находясь иногда

с группой верующей молодёжи за городом и любясь природой, Юдифь воздавала хвалу Творцу за то, что Он, освободивший теперь землю от ледящего холода, освободил и её сердце от холода, мрака смерти и греха, вызвав в её душе новую жизнь. В сердце Юдифи настала тоже вечная весна, вечный расцвет. Ледяной покров греховной жизни и смерти был снят навсегда!

«Жизнь, жизнь настала! Жизнь!» – звучал голос в сердце Юдифи. И она действительно теперь имела жизнь – не только в себе, но стремилась нести её и дальше, окружавшим её омертвелым духовно душам. По праздничным дням вместе с группой верующей молодёжи она любила посещать окрестные селения. Там она с любовью читала о Господе из Евангелия собиравшимся, часто простым неграмотным людям. Такими близкими казались ей эти ничего не знавшие о Христе люди! Ей было больно за них: их называли христианами, но никто ничего не говорил им об Икупителе, умершем за них на кресте. Прежде, находясь постоянно в кругу евреев, она совершенно не знала простого русского народа. Воспитанная в строго еврейском духе, она смотрела на русских как на противный Богу языческий народ. Но теперь, ближе познакомившись с ним, готова была посвятить всю свою жизнь на служение ему.

Вспоминая давнишнюю беседу с дедушкой, который в доказательство того, что Христос – не Мессия Израиля, указывал ей на Его последователей в лице

православных, католиков и других номинальных христиан, Юдифь поняла, почему они ненавидят евреев, а также ведут между собою различные распри, религиозные и другие войны, преследуют и уничтожают друг друга. В этих бедных людях, бессознательно носивших имя Христа, она увидела теперь таких же Его противников, как и евреи. Она увидела, что как те, так и другие равно не знают ни Христа, ни Его Евангелия, не живут жизнью любви, которую открыл Христос для мира. Она увидела, что и те и другие находятся почти в таком же неведении об Иисусе Христе, в каком она и сама находилась долгие годы. Это сознание наполняло её сердце всё большим желанием свидетельствовать о Христе, что она и старалась всегда исполнить.

Вместе с работой среди православного русского народа в сердце Юдифи жила горячая любовь и к её собственному, израильскому, народу. Везде, где только бывали случаи, как на службе, так и в городе при встрече с евреями, она старалась свидетельствовать о Спасителе Иисусе Христе. Но от евреев она всегда встречала лишь насмешки и вражду. Когда же она свидетельствовала о Христе простым людям, получалось обратное: её слушали с большим вниманием и интересом. Девушка замечала, как неоднократно то одна, то другая из собравшихся женщин отирали бежавшие из глаз слёзы.

В кружке молодёжи Юдифь всегда бывала инициатором и организатором посещений деревень. С нетер-

пением ожидала она, когда придёт день, назначенный для посещения той или иной деревни.

Однажды после призывного собрания, на котором проповедовал приезжий миссионер из евреев, несколько человек, поднявшись со своих мест, просили общину принять их как членов в свою среду. Это заявление пробудило такое же желание и в сердце Юдифи.

Уже несколько раз мысль о присоединении к общине приходила ей в голову. Её сердце давно принадлежало Иисусу Христу, но до сих пор она ещё не была причислена к членам христианской церкви. Она знала, что верующие считают её своей сестрой, любят её, как таковую, но она знала также, что все они, христиане, приняты в общину через водное крещение. Изучая Слово Божие, она видела, что это необходимо и для неё. Однако у неё не хватало решимости сделать этот последний шаг. Две причины удерживали её от вступления в общину: во-первых, она считала себя ещё не вполне утверждённой в вере и боялась упасть на христианском пути и, будучи членом какой-либо общины, не вызвать на неё нареканий со стороны необращённых людей. Во-вторых, от этого шага её удерживала горячая любовь к матери. Она сознавала, что с присоединением к общине произойдёт окончательный разрыв с родителями, с которыми она ещё вела переписку. Однако теперь, глядя на решение других и будучи уверена в необходимости водного крещения, она, наконец, решила совершить этот шаг. Через него

она безвозвратно отделялась от израильского народа и его религии. Внутренний разрыв произошёл уже давно; теперь она делала это и формально, внешним образом, открыто присоединяясь к христианству.

И вот, вставши с места, девушка заявила о своём решении быть членом общины. Заявление было принято всеми с большой радостью и благодарностью Богу. Таким образом Юдифь порвала последние нити, соединявшие её с прошлым, и окончательно вступила на новый путь жизни, указанный ей Самим Господом. Она твёрдо решила идти этим путём, не оглядываясь назад.

* * *

Прошёл уже целый год с тех пор, как Юдифь оставила родительский дом. Иногда она получала письма от матери и сестёр, которые приносили ей всё новые и новые увещевания и просьбы матери вернуться к вере отцов, к своему народу и в родительский дом. Читая эти письма, она каждый раз проливали над ними горькие слёзы. Ежедневно она возносила Богу горячие молитвы о своих близких, дабы они, в конце концов, также обратились к Нему. Но их письма всё более показывали ей, как далеко от Него находятся души её родных.

Отец приезжал раза два по коммерческим делам в город, где она теперь жила, и заходил к ней. Его посещения были очень коротки. Отец всегда был очень холоден и суров. О её убеждениях он никогда не говорил. Справившись о здоровье, о том, как она живёт,

и передав приветы от матери и сестёр, он спешил поскорее проститься и уйти.

В последних письмах мать всё настойчивее просила её приехать домой. Но Юдифь, также давно жаждавшая случая увидеть ещё раз мать и сестёр, боялась теперь этой встречи. Она знала, что отец через других евреев старался разузнать о её жизни, отношении к христианству. Возможно, матери ещё не было известно о её крещении и присоединении к христианской общине, но она могла спросить её об этом, а это пугало Юдифь более всего.

И всё-таки, вняв просьбам матери и влечению своего сердца, Юдифь, получив месячный отпуск, поехала к родителям. Смешанные чувства радости и какой-то непонятной глубокой тревоги наполняли её сердце, когда она подъезжала к родительскому дому.

Мать и сёстры встретили её с большой радостью и любовью. Привыкнув всегда жить вместе, в тесной дружбе, и находясь вот уже более года в разлуке с Юдифью, они ожидали её приезда с большим нетерпением. При этом в сердце матери жила большая надежда, что Юдифь, испытывавшая за это время тяжести разлуки с близкими и заботу о добывании себе средств к существованию, в конце концов уступит их просьбам и возвратится обратно.

Несколько дней жизни в родительском доме прошли для неё довольно хорошо. Сёстры старались сообщить ей обо всех новостях, случившихся за это время в городе.

Руфь окончила гимназию и готовилась поступить в следующем году в университет – на медицинский факультет; теперь она часто беседовала об этом с Юдифью.

– Как хорошо будет, – говорила она иногда, – если ты останешься ещё там, а я буду учиться в университете, тогда мы сможем жить с тобою вместе в одной квартире.

У Юдифи также было много такого, чем она хотела поделиться с сёстрами. При этом, как она сама, так и сёстры всегда старались избегать вопроса об её убеждениях. Мать, хотя и была сдержанна, но оставалась всегда ласковой с Юдифью. Однако всех её родных тревожил жгучий вопрос о том, как Юдифь в настоящее время относится к еврейству. В письмах она не упоминала о своих убеждениях, не желая ещё больше раздражать мать.

Этот вопрос разрешился сам собою в первое же воскресенье. В этот день магазин отца был закрыт, и Вейнберги всем семейством решили пойти в театр. Юдифь никто не спросил заранее, пойдёт ли она с ними. Но когда пришло время и все начали одеваться, девушка заявила, что останется дома. Отец сделал при этом гримасу, а мать, покраснев от неудовольствия, с удивлением посмотрела на Юдифь. Этот отказ самым красноречивым образом свидетельствовал об убеждениях Юдифи. Они увидели, что ожидаемой ими перемены с ней не произошло, всё остается по-прежнему.

С этого вечера отношения стали снова натянутыми и холодными. Дня через три после этого случая, по

окончании дневных занятий, обе младшие сестры зашли в комнату Юдифи. Днём они сговорились спросить у неё о причине отказа посетить театр и решили снова попытаться уговорить её оставить «глупости», как они между собою называли убеждения старшей сестры.

Юдифь уже долгое время молилась о своих сёстрах и просила у Бога случая для более откровенной беседы с ними о Христе. Сама начать эту беседу она остерегалась, зная, что сёстры, настроенные против неё другими, имеют относительно неё глубокое предубеждение и не захотят ни в коем случае слушать то, о чём она будет им говорить. Теперь Юдифь сочла это посещение сестёр самым подходящим случаем. Усадив их рядом с собою на диване и выслушав всё, что они желали ей сказать, она с любовью и нежностью начала объяснять им причину отказа от посещения театра, а также и то, что её убеждения – не глупость и не увлечение, но глубоко обдуманное исполнение воли Господа.

Взяв свою Библию, с которой она теперь никогда не расставалась, Юдифь начала читать сёстрам одно за другим хорошо знакомые ей теперь обетования Божии Израилю – в связи с пришествием Мессии. Она прочитала им о том, как Спаситель, Иисус из Назарета, пришёл на землю, как израильяне отвергли своего Мессию, крича: «Не хотим, чтобы Сей царствовал над нами», потом распяли Его на голгофском кресте. Затем Юдифь открыла им своё сердце и рассказала, как ещё с детства интересовалась вопросами о Боге, как случайно

подслушала беседу дедушки с приезжими раввинами об Иешуа, в которой один из них утверждал, что Он действительно Мессия Израиля. При этом, посмотрев на Руфь, Юдифь спросила, не припоминает ли она того случая, как проснувшись однажды ночью, увидела её, сидевшую у окна на даче у дедушки?

Внимательно слушавшая Руфь утвердительно кивнула головой.

– После этого, – продолжала свой рассказ Юдифь, – мысли о Мессии и о Том, Кто, собственно, был Иешуа, никогда надолго не оставляли меня. Иногда я всё забывала, но эти мысли появлялись снова. Я начала внимательно читать наши еврейские Писания и при этом всё больше убеждалась, что Иисус Христос – Мессия Израиля. Особенно ярко отражает всю Его земную жизнь 53-я глава пророка Исаии, – при этом Юдифь прочитала эту главу. – Убеждаясь всё больше, что Он – Мессия, я всё же очень мало знала о Нём и Его жизни. Знала только то, что рассказал мне дедушка о Его страданиях и смерти. Вы, наверно, ещё помните этот его рассказ на веранде дома? Конечно, он уверял меня, что Иешуа был обманщиком и умер за Свою вину. Однако Господь, Которого я искала, по Которому томилась моя душа, привёл меня, как вы уже знаете, на христианское собрание. Там я в первый раз услышала истину о Христе Иисусе. В Нём я окончательно увидела Мессию Израиля, Сына Благословенного, и с этого времени моё сердце всецело принадлежит

Ему. Теперь вся цель моей жизни сводится к тому, чтобы свидетельствовать о Нём и Его любви тем, кто ничего не знает о Нём и гонит Его.

Мои дорогие, Руфь и Сарра, как я желала бы, чтобы и вы когда-нибудь отдали Ему свои сердца. Я молю моего Искупителя, чтобы это рано или поздно произошло. – При этом глаза Юдифи наполнились слезами. Она обняла сидевших рядом с нею сестёр, осыпая их поцелуями. – Мне так тяжело видеть, что в ваших сердцах кроется ненависть ко мне. Одно лишь утешает меня, что вы делаете это бессознательно. Вам внушили, что я отступница от Бога, еретичка, которую по закону нужно побить камнями. Сегодня я в первый раз смогла открыть вам моё сердце. Как вы примете мои слова, это дело ваше, вы уже не дети и сами обо всём можете рассуждать. Но об одном прошу: не будьте ко мне так строги. Начните сами читать эту чудную, святую книгу, и Господь откроется вам.

– Прости меня, милая Юдифь! – прервала её Руфь, со слезами на глазах бросившись к ней на шею.

– И меня тоже прости! – плача, проговорила Сарра.

Некоторое время три сестры сидели молча, обнявши друг друга. Только тихие рыдания нарушали тишину.

– Зачем мы разделились? – прошептала сквозь слёзы Сарра, прижимаясь ближе к Юдифи. – Как жестоки люди, сеющие раздоры и ненависть между нами!

– Милая Юдифь, мы ничего не знали о том, что ты нам сегодня рассказала. Вопросы о Боге нас никогда не

занимали, но одно я теперь знаю, – сказала Руфь, – что бы ни случилось, я не перестану любить тебя всем сердцем. Если что было в моём сердце против тебя до сего дня, я ещё раз прошу, прости меня, дорогая Юдифь. Пусть поможет тебе твой Бог и благословит тебя!

Было уже около часу ночи, когда сёстры, оставив Юдифь, разошлись по своим комнатам. Они вышли от неё совершенно примирёнными с нею и с твёрдым решением защищать Юдифь, где это будет нужно, от нападков других людей.

Оставшись одна, Юдифь вознесла горячую благодарность Господу за то, что Он в этот вечер дал ей желанную возможность сказать о Нём своим сёстрам. Он услышал то, о чём она уже долгое время молилась. Она радовалась, что сёстры ушли совершенно примирённые с нею.

– О, как благ и любвеобилен Ты, мой благословенный Искупитель! Ты всегда хранишь меня в сени Твоих святых крыл, как слабого птенца, и помогаешь мне. Сделай же и моих родителей и сестёр Твоими рабами и последователями! Откройся им в любви и славе Твоей, как Ты открылся и открываешься мне. Да воззрят и они на Тебя, Которого пронзили. Хвала за всё Тебе, мой Бог! – так закончила Юдифь свою беседу с Господом.

Прошло два дня. Мать и Руфь сидели в гостиной. Других членов семейства не было дома. Юдифь ушла на молитвенное собрание верующих. Между матерью и дочерью шёл серьёзный разговор.

– Не хочешь ли и ты пойти по следам твоей дорогой сестрицы? – обратилась мать к дочери после короткой паузы, глядя на неё сердитыми глазами.

– Нет, мама, – ответила Руфь, – но мне кажется, что очень несправедливо и бесчеловечно относиться к Юдифи так, как мы все до сегодняшнего дня к ней относились за её веру в Бога.

– Она оставила Бога наших отцов и верит какому-то обманщику! – возразила мать с ещё большим гневом и раздражением.

– Нет, мама, это не так. В глазах Юдифи Иешуа – не обманщик, а Мессия израильского народа; она в этом убеждена. Если же она ошибается, то Бог Сам может наказать её. Зачем же мы так немилосердно преследуем её? В самом деле, разве она стала хуже, чем была, с того дня, как сделалась христианкой? Наоборот, она гораздо лучше: она ведь настоящий ангел! Мы её ненавидим и преследуем, а она всё это кротко переносит, всё прощает и продолжает всех нас по-прежнему любить.

– Что это с вами в самом деле?! – закричала с гневом мать, которая уже не могла больше сдерживать себя. – Вы как будто сговорились! Вчера Сарра пела мне такую же песню, а сегодня ты! Не совратила ли уже эта еретичка и вас на свой путь? Ах, зачем я звала её домой!

– Юдифь никого не совращала, но два дня тому назад мы с Саррой поговорили с нею, и мы убедились, мама, что совершенно нет причины ненавидеть сестру.

Наоборот, мы все должны любить её, потому что она нас так любит...

– О, Адонай Господь! И этих она уже успела со-
вратить! – простонала со слезами мать. – Зачем я так
поступила, зачем приняла её?! Руфь, неужели вы слу-
шали, что она вам говорила, и поверили ей? Ах, вот
почему и Сарра говорила мне о ней, вот почему вы
обе её защищаете!

– Добрый вечер! – сказал вошедший в комнату Вейн-
берг. – О чём это вы так громко говорите? Что с тобой,
Рахиль? – обратился он к жене. – Почему у тебя такой
расстроенный вид, что здесь произошло?

Руфь, испуганная результатом своей беседы с ма-
терью и внезапным появлением отца, сидела бледная,
растерянная. После последней беседы с Юдифью
каждая из них решила поговорить о сестре с матерью,
не предупредив, однако, об этом друг друга. Желая за-
щитить Юдифь, они своею неосторожностью вызвали
теперь страшную бурю в сердце матери. Руфь пони-
мала, что этой беседой она только навредила Юдифи,
и теперь сидела совершенно разбитая, опустив голову.

– Что со мной?! – возмутилась мать. – Наше семей-
ство совершенно гибнет! О, что я сделала, что я сдела-
ла! – застонала она.

– В чём же дело? – спросил, уже теряя терпение, Вейн-
берг.

– Ах, Давид! Проклятие тяготеет над нашим домом!
Подумай только, отступница успела за это время посе-

ять семя ереси и в сердцах своих сестёр! Вчера Сарра, а сегодня Руфь начинают оправдывать и защищать её передо мной. Оказывается, она уже говорила с ними. Я надеялась, что она за это время немного пришла в себя и раскаивается в своих заблуждениях, но выходит совершенно наоборот. Мы должны окончательно узнать, хочет ли она отказаться от своих убеждений. Я спрошу её!

– Я ведь предупреждал тебя, Рахиль, чтобы ты не приглашала её в дом. У меня появляется подозрение, не стала ли Юдифь членом христианской общины. Когда в последний раз я был в её городе, то старался там узнать от наших кое-что о ней, и мне говорили, что она участвует во всей работе и делах этой общины, а это ведь доступно только для членов церкви. Теперь ты сама и неси последствия твоего упрямства. Раз позвала, то и разделись с ней, как знаешь. Мне уже надоело с нею возиться! Я смотрю на неё, как на чужую, она для меня давно умерла.

– О, Давид! Неужели Юдифь окончательно стала христианкой?! Неужели всё потеряно и нет надежды?

– Не знаю, – ответил Вейнберг, – я только высказал мои соображения и подозрения. Но это мы пока оставим, лучше спросим её об этом. Теперь скажи, в чём ты упрекаешь Руфь и Сарру?

– Что ты скажешь, Руфь, относительно того, о чём говорит мама? – обратился отец к сидевшей молча дочери.

Подняв голову и глядя на отца, Руфь ответила:

– Не знаю, папа... Юдифь ничем нас не совращала, но мы на днях с нею поговорили и увидели, что нет причины её ненавидеть. Поэтому мы и решили высказать это маме. Вот всё, что я знаю и могу сказать.

– Да, с одной стороны, ты совершенно права, Руфь, – заметил отец. – Юдифь ничего злого нам не сделала, за что мы могли бы её ненавидеть. Но, с другой стороны, она сделала очень многое против религии наших отцов, против нашего славного рода, который в течение столетий является носителем данной нам Иеговой религии. Сколько стойких борцов за веру дал наш род в прошедшие времена! И вот среди нас появилась отступница от религии, за которую её прадеды готовы были пролить последнюю каплю крови. Она – позор для нашего рода. Как мы можем теперь любить Юдифь? Ведь наша религия повелевает побивать таких камнями! Мы должны ненавидеть всякого гоя, но когда из нашего народа человек становится гоем – должны уничтожить такого из нашей среды!

Правда, законы страны, где мы теперь живём, не позволяют нам это сделать, но удалить её совершенно из нашего общества мы имеем право, и это наша прямая обязанность, – продолжил отец. – Мы не должны общаться с Юдифью. На днях я случайно встретился с нашим уважаемым равви. Он узнал, что Юдифь приехала домой, и спросил, как она относится к иудейству и почему мы общаемся с нею, принимаем её

в нашем доме. Конечно, мне пришлось сказать, что я ещё определённо не знаю о её убеждениях. Но если она не только не оставила свою ересь, а ещё и другим внушает её, то, без сомнения, мы должны удалить её из нашей среды и как можно скорее. Где Юдифь? Нужно сейчас же сказать ей об этом, – обратился он к жене.

– Где она? Наверно, в кругу своих друзей-гоев. Наш народ и семья ей не нужны! – ответила жена.

Было уже около двенадцати часов ночи, когда Юдифь возвратилась из собрания. Там она испытала много радости, рассказала о своей жизни и помощи Господа, которую Он оказывает ей с момента её отъезда. Сообщила и о том, что она теперь стала членом общины. Верующие, выслушав всё, что сотворил Господь для Юдифи, вознесли горячие молитвы благодарности Господу и просили о дальнейших для неё благословениях и помощи.

Родители, не дождавшись её прихода из собрания и ввиду позднего времени, решили отложить окончательную беседу до следующего вечера, и эта беседа с ними стала последней в жизни Юдифи. Больше ей не пришлось их видеть, и следующая их встреча произойдёт, быть может, только там, за дверью гроба.

* * *

В тот вечер, оставив свой магазин, Вейнберг пришёл домой раньше обычного. За ужином разговор совершенно не клеился. Родители были серьёзны, особенно

мать, которая очень нервничала. Весь день она избегала встречи с дочерью. Сёстры тоже были печальны и подавлены. Их удручала неудачная защита Юдифи. Девушки знали, что сегодня должно произойти окончательное объяснение, и заранее страшились приближения этой минуты. О вчерашнем происшествии и о предстоящем объяснении Юдифь ничего не знала, но её сердце ныло целый день от какой-то непонятной тоски и тревоги. Она вообще чувствовала себя в тот день очень плохо. За ужином она сидела тоже подавленная, вид родителей и сестёр зарождал в её сердце подозрение, что здесь что-то не совсем ладно.

После ужина, оставив младших дочерей убирать со стола, отец попросил Юдифь зайти с ним и матерью в его комнату. Закрыв двери и оставшись втроём, Вейнберг предложил ей сесть напротив него. После короткого молчания он обратился к дочери со словами:

– Долгое время мы старались помочь тебе, Юдифь, возвратиться к вере наших отцов, но всё напрасно. Последним средством было удаление тебя из дому. Твоя мать и я надеялись, что это может вразумить тебя. Теперь ты вновь на время приехала в наш дом. Мы хотели видеть тебя – твоя мать и сёстры не могли больше жить в разлуке с тобою. У матери всё ещё была надежда, что ты вернёшься в нашу среду. Но вот, вместо раскаяния в своём заблуждении ты начинаешь пагубно влиять на своих сестёр. Теперь мы спрашиваем тебя окончательно: хочешь ли ты вернуться к нам, к Богу и твоему народу?

Или ты думаешь продолжать жить с гоями? Есть ли вообще возможность для твоего возвращения? Не являешься ли ты уже членом их общины? Я знаю, они крестят присоединяющихся к ним. Приняла ли ты крещение? Это мы, твои родители, хотим знать от тебя, и ты должна открыто сказать нам правду, мы готовы тебя выслушать!

Наступила жуткая пауза. Мать, дрожа от волнения, крепко держалась за руку мужа. Юдифь сидела, устремив взор вверх, откуда ожидала в данный момент для себя помощи, куда мысленно возносила свои мольбы. Наконец, обратив взор на родителей, она начала тихим, но твёрдым голосом, в котором звучала решимость и уверенность:

– Вернуться к Богу отцов? Папа и мама, я вернулась уже давно, верю в Него и служу Ему всем сердцем.

На лице отца появилась гримаса, но он ничего не сказал, сдерживая себя и не желая перебивать дочь. Юдифь продолжала:

– Моих сестёр я не отвлекала от Бога и не совращала в какую-либо ересь. Я говорила им лишь, что хочу всю жизнь служить моему Господу, и мне так больно, что за это стремление меня ненавидят все те, которых я люблю. Люди, к общине которых я принадлежу, не гои, как их называют, а истинные поклонники и служители благословенного Иеговы, принявшего плоть человека и умершего как непорочный Агнец Божий за грехи Израиля и всех людей. Относительно крещения я могу сказать вам, дорогие родители, только то, что я всегда

и во всём готова теперь исполнять Его волю и делать то, что Он повелевает. А Господь говорит: «Кто будет веровать в Него и крестится, спасён будет, а кто не будет веровать, осуждён будет». Как Его послушная раба, я совершила и это Божье повеление; я верю, что Он – действительно Сын Божий и мой Испытатель, поэтому крестилась во имя Его.

– О, Адонай Господь! – простонала, ломая руки, мать Юдифи. – О, что пришлось услышать мне от моего ребёнка! Зачем я родила тебя на свет?! Я задушу тебя сейчас же своими руками! – с этими словами мать, с искажённым от злобы лицом, бросилась к сидевшей напротив неё дочери, но муж, схватив её за руки, стал между ними.

– Будь проклята! Я проклинаяю тебя проклятием матери и не успокоюсь до тех пор, пока не увижу тебя лежащею мёртвой у моих ног! – при этих словах мать без чувств упала на пол.

Юдифь бросилась было к матери, но отец отстранил её и, указав на дверь, задыхаясь от ненависти, закричал:

– Уйди! Ты не имеешь права прикасаться к ней! Уйди, дабы наши глаза не видели тебя! Тебе нет больше места в этом доме!

Положив жену на диван, он открыл дверь комнаты и выгнал всё ещё стоявшую в оцепенении, с широко открытыми глазами, дочь...

Почти без сознания, как в бреду, дошла Юдифь до дверей своей комнаты и упала в изнеможении на по-

стель. Искажённое от гнева лицо матери всё ещё стояло перед ней, и страшные слова проклятия звучали в ушах.

Дверь отворилась, и Юдифь открыла глаза. На пороге стояли, плача, обе сестры. Когда Юдифь поднялась и села на краю кровати, Руфь проговорила сквозь слёзы:

– Папа прислал нас сказать тебе, чтобы ты сейчас же ушла из дому... Он не хочет, чтобы мама увидела тебя ещё раз.

– Ушла из дому? – растерянно повторила Юдифь. – Ах, да, я проклята, мать прокляла меня... – сказала она едва слышно. – Я должна сейчас уйти?

– Да, папа требует...

– О Господи, не оставь меня! – со стоном прошептала Юдифь. – Дай мне силы, я не знаю, что делать, что со мною? Уйти? Проклята? – продолжали шептать её бледные уста.

– Вы ждёте, пока я уйду? – обратилась Юдифь к сёстрам, которые всё ещё стояли у открытой двери, молча наблюдая за сестрой. – Хорошо, я сейчас...

С этими словами она быстро оделась. Оставив свои вещи в комнате и захватив только лежавшую на столике Библию, она пошла навстречу сёстрам, чтобы проститься, но они отшатнулись от неё.

– Ах, да, я проклята, и вы не можете прикасаться ко мне! Ну, прощайте, да благословит Господь папу, маму и вас! – с этими словами Юдифь, как во сне, направилась к двери. Рыдания сестёр заставили её в последний раз оглянуться на них, и она вышла на улицу.

Стоял холодный весенний вечер. Снег уже начинал таять, но по ночам ещё держались морозы. Холодный воздух пахнул ей в лицо. Постояв несколько мгновений, она повернулась и пошла в сторону. На ярко освещённой улице было много гуляющих. Некоторые пристально смотрели на Юдифь. Всё еврейское общество в городе знало, что она гостит у родителей, но её сторонились. Она видела еврейскую молодёжь, но никто не сказал ей ни слова. Мимо неё проходили, как бы не замечая.

Пройдя центральную часть ярко освещённой улицы и приблизившись к пустынной окраине, Юдифь будто очнулась от глубокого сна и остановилась.

Кругом была полная тишина – живший в этой части города рабочий люд уже спал, и лишь в окнах некоторых домиков виднелся свет.

– Что со мной, куда я иду? – проговорила она вслух. Всё только что пережитое предстало живо перед её взором.

– Значит, меня прокляли и выгнали! – Юдифь подняла полные слёз глаза к небу, усеянному множеством ярко мерцавших звёзд. – Ты видишь меня с высоты Твоего престола, мой Господь! Возьми же меня, слабое дитя, за руки и помоги мне Сам в этот трудный момент. Ты видишь, я совершенно одинока в этом мире, не оставь меня!

Эта короткая беседа с Богом под звёздным небесным куполом немного успокоила её, и она могла теперь спокойно рассуждать.

«Теперь ночь, поезд будет только завтра. При этом у меня нет ни вещей, ни денег – всё осталось дома, а вернуться туда я не могу. Самое лучшее: пойти теперь к проповеднику общины, а там Господь укажет, что делать дальше», – подумала Юдифь.

Проповедник, открывший дверь на стук Юдифи, был крайне удивлён её неожиданным и поздним посещением. Уставшая от страшной борьбы, происходившей в её сердце, не ожидая приглашения присесть, Юдифь почти упала на стоявший у стены стул. В её жизни ещё не было случая, чтобы она плакала в присутствии посторонних людей, но теперь она была не в силах сдерживать горе – сильные рыдания потрясли всё её существо.

Проповедник, его жена и дочь долгое время сидели молча, глядя, со слезами и изумлением, на рыдавшую Юдифь. Они чувствовали, что с нею произошло что-то страшное, знали, как она стойко переносила все прежние страдания и испытания, но никогда никто не видел её плачущей. Неожиданный и такой поздний приход к ним тоже красноречиво говорил о чём-то тяжёлом, только что ею пережитом.

Когда прошёл первый приступ рыданий и Юдифь немного успокоилась, она почувствовала, как вокруг её шеи обвили нежные руки. Девушка подняла заплаканные глаза – около неё стояла школьная подруга Лиза, от которой она в первый раз услышала о евангельской истине. С полным участия взором и со слезами Лиза смотрела на неё своими прекрасными глазами.

– Мир тебе, милая Юдифь, – проговорила она, целуя подругу.

Несколько минут, соединённые любовью Христа, сёстры стояли, обнявшись, не говоря ни слова. Наконец успокоившаяся Юдифь рассказала друзьям обо всём только что ею пережитом.

Взяв со стола Новый Завет, проповедник прочитал о страданиях и смерти Иисуса Христа, начиная с Его торжественного входа в Иерусалим.

– Дорогая сестра, – обратился он к Юдифи, – вот что наш Творец должен был перенести от Своего творения! Но когда Его распинали, Он молился о Своих мучителях: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают». Мы, Его ученики, идём Его путём к той же великой цели, и на нашем пути также лежит Гефсимания и Голгофа. Сегодня для тебя настал момент Гефсимании, твоя душа скорбит смертельно, но не страшись. Он укрепит тебя! Быть может, придётся взойти и на Голгофу со временем, но Он и там будет с тобою, – Христос прошёл этим путём раньше нас. Не будем же сводить нашего взора с Него, идущего впереди и возлюбившего нас до смерти, и смерти крестной! Последуем и мы в этот час Его примеру! Пусть печаль не отяготит наших сердец, да не уснём и мы от печали, подобно ученикам в Гефсимании. Будем молиться – и Он поможет нам всё преодолеть!

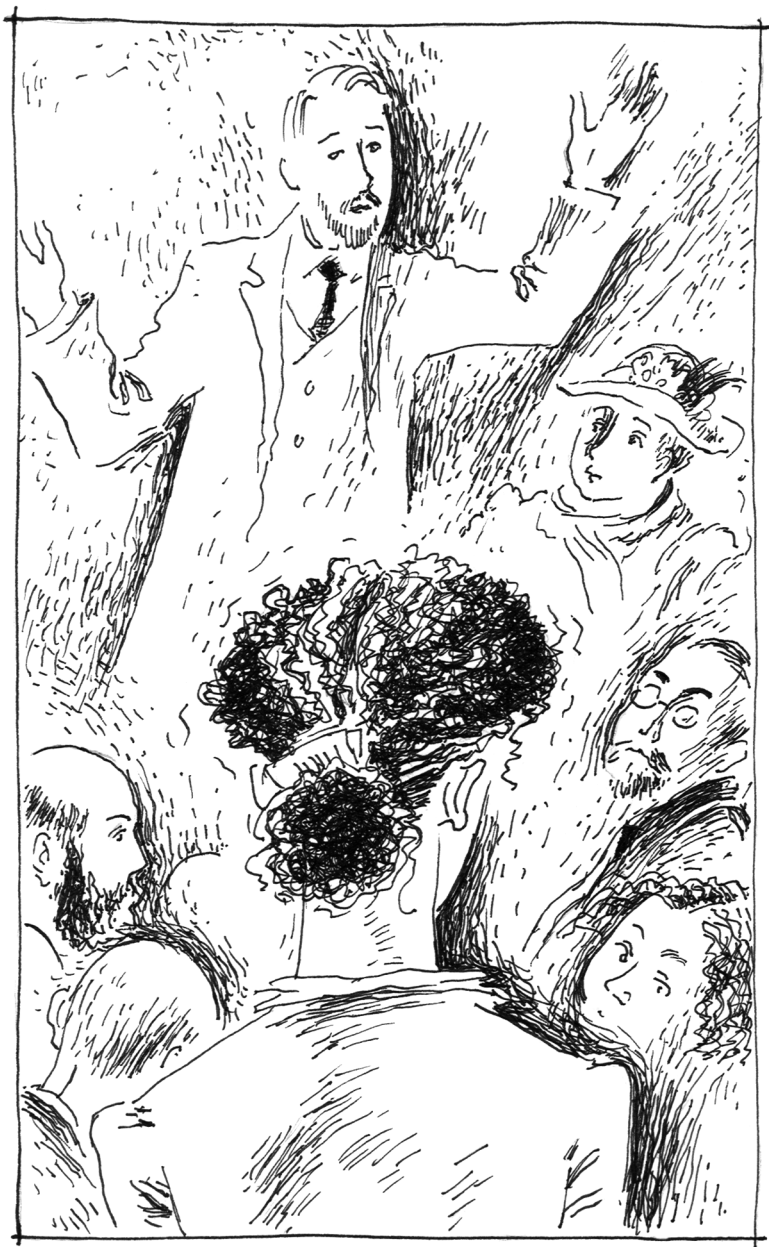
Долгая и горячая мольба изливалась из стеснённых горем сердец к престолу благодати в стенах скромного домика. Подкреплённая Господом и молитвами Его

детей, Юдифь совершенно успокоилась. Печать мира снова лежала на её прекрасном лице, как будто преобразённом в присутствии Господа.

На следующее утро, снабжённая всем необходимым для дороги и напутствуемая благословениями верующих, Юдифь поехала обратно. Навсегда удалялась она теперь от того места, где оставались горячо любимые ею родители и сёстры, а также дорогая ей община верующих, где она в первый раз встретила своего Искупителя и отдала Ему своё юное сердце и где, поборов великие испытания, осталась Ему верной. Да, этот город стал для неё действительно местом гефсиманской борьбы, из которой она вышла победительницей, держась рукою веры за Христа.

– Прощай, Юдифь! Прощай, дорогая сестра в Господе! Увидимся ли ещё когда-нибудь в этой жизни? Или, быть может, только там, в небесах? – говорили сквозь слёзы провожавшие Юдифь верующие.

Многие из тех, которые останутся верными Господу до конца жизни, увидятся с нею только там, в небесах.

Глава 5

Посвящённая Иисусу

Встреча с миссионером.

Решение посвятить себя служению ближним.

Работа и её трудности. Болезнь

В течение нескольких дней в общине, к которой теперь принадлежала Юдифь, царило сильное пробуждение. Прошло около недели, как приехал из другой части России благовестник Евангелия. Его проникнутые любовью, вдохновенные проповеди зажигали самые закоренелые в грехах души и пробуждали их к новой жизни. Многие отдавали свои сердца Господу, раскаиваясь в грехах. Верующие воспалялись желанием больше работать для Христа, привлекая к Нему тех, которые находились ещё вдали от Него. Это были дни очищения и освящения.

В последний день перед отъездом евангелист обратился исключительно к членам общины.

– Посмотрите вокруг себя! – призывал он. – В нашей стране вот уже несколько лет проливается братская кровь. Каждый день смерть уносит в вечность сотни и тысячи душ, не раскаявшихся в своих грехах. А что ждёт их там, за дверью гроба?

Наша родина подобна клокочущему вулкану или волнующемуся морю, свирепые волны которого никак не могут успокоиться. Посмотрите, сколько в этом море гибнущих пловцов! Прислушайтесь к несущемуся с моря призыву о спасении! Просьбы о помощи несутся из каждого города, деревни и дома, от берегов Северного Ледовитого океана до пламенной Колхиды. Но кто же протянет этим тонущим руку братской помощи? Кто внемлет стонам? Люди в наши дни восстали друг против друга.

Не должны ли мы, верующие, пойти, подобно нашему Господу и Учителю? – вопрошал проповедник. – Не должны ли мы самоотверженно броситься в разбушевавшуюся стихию человеческого зла и мести, чтобы, быть может, ценой собственной жизни спасти и вырвать из власти порока и греха погибающие души?

Ведь жизнь нашего благословенного Господа и Спасителя была самой драгоценной не только на земле, но и во Вселенной, и Он отдал её ради нашего спасения. Неужели мы пощадим нашу жизнь? Неужели не

отдадим её ради спасения других? Понимаю, верующие в преклонных летах, неспособные для перенесения различных лишений, а также обременённые семьями не могут пойти. Их долг – помогать нам своими молитвами и заботиться о воспитании детей и насущном хлебе для семьи. Но вы, мои юные братья и сёстры! Вы ещё полны сил и энергии, для вас нет преград, вы свободны. Души гибнут! Господь зовёт, кто же пойдёт? «Кого Мне послать?» – вопрошает Господь.

Сегодня Он обращается к вам через меня, – сказал далее проповедник. – Кто решился бы пойти с нами маленькими группами из села в село, из города в город, проповедуя Евангелие? Конечно, робкие и малодушные для этой работы не годятся. Голод, усталость от долгих переходов, гонения, быть может, и смерть встретят вас на этом пути. Сам пережив многие лишения, я предупреждаю тех, кто решится, заранее всё хорошо обдумать, чтобы впоследствии не отступить. Но всем твёрдым сердцем Господь говорит: «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни». Итак, кто же пойдёт?

Пронёсшись по громадному, наполненному слушателями залу, вопрос этот замер в последних рядах... Настала тишина. Проповедник обводил взором ряды слушателей.

Сердца многих находившихся в этом собрании билось для Господа, многие работали для Его славы, но откликнуться на призыв было слишком трудно.

Уже несколько лет в стране бушевал страшный пожар гражданской войны. Местами сильно давал себя чувствовать голод, свирепствовали различные, связанные с войной и голодом, эпидемии. Люди в своих домах не могли ни одного дня чувствовать себя в безопасности. Идти в такое время по сёлам было более чем опасно для жизни. Это сознавал каждый из слушателей самоотверженного слуги Христа, который уже несколько лет вместе с другими, перенося различные затруднения и лишения, нёс жизнь и утешение многим сердцам.

– Я готова откликнуться на призыв моего Господа! – раздался тихий, но твёрдый голос с задней скамейки.

Присутствующие в зале оглянулись, чтобы увидеть, кто это сказал.

Это была ещё юная по летам и слабая на вид девушка с большими, задумчивыми, чёрными глазами.

– Я решила отдать Ему мою жизнь совершенно. Правда, я слаба для этой работы, но Он ведь силен мне помочь. Я неопытна в труде для Него, но я люблю Господа и тех, за которых Он отдал Свою жизнь!

– Юдифь! – слышался шёпот между рядами слушателей.

Да, это была Юдифь. Вернувшись после последней тяжёлой разлуки с родителями, она добывала своими руками необходимое для жизни, а также всецело отдавалась работе для ближних. Девушка посещала больных, ухаживала за ними, утешала скорбящих и помогала

нуждающимся в городе, а в праздничные дни выезжала куда-либо в деревню, где также отыскивала больных и нуждавшихся в утешении, которым, как могла, помогала и служила в их горестях.

Несмотря на эту благословенную работу, Юдифь всё время стремилась к большему служению. Во время посещения деревень она всем сердцем полюбила простой народ, часто малограмотный и ничего не знавший о Христе Иисусе, хотя и назывался христианским народом. Несколько раз уже у неё появлялась мысль оставить свою службу и пойти, уповая во всём на Господа, к этому народу с евангельской вестью. Но она всё откладывала это намерение, не будучи вполне уверена, хочет ли этого от неё Господь и угодно ли Ему будет такого рода служение. Теперь, услышав призыв, она ясно увидела, что настал момент для осуществления давно желанного служения.

Юдифь постоянно посещала собрания, которые проводил приезжий миссионер, стала его помощницей в молитвах о душах людей, посещавших эти собрания. Слушая его вдохновенные, простые проповеди, она воспламенилась ещё большей ревностью к служению Богу и ближним.

Услышав призыв к труду, девушка не колебалась ни одной минуты; какой-то внутренний голос говорил ей: «Теперь пора! Вот твой путь, Юдифь, сейчас ты можешь исполнить твоё желание». И она произнесла эти решительные слова:

– Я готова!

Юдифь действительно была приготовлена Самим Господом для славного служения ближним.

После собрания, поговорив окончательно с миссионером, она получила от него адрес, куда и когда ей приехать, чтобы присоединиться к работавшим уже миссионерским группам. Своим решением она была вполне довольна и благодарна Богу, что Он Сам так дивно всё устроил. Она хорошо сознавала, какие трудности ожидают её на избранном пути, но смотрела на них совершенно спокойно и радостно. Она знала, что пойдёт на эту работу не одна – Сам Господь пойдёт впереди. Юдифь ясно видела, что это тот путь, которым Он хочет её вести, и готова была следовать по Его стопам.

Когда настал день отъезда и друзья провожали её на вокзал, одна из сестёр, много трудившаяся вместе с Юдифью, со слезами спросила:

– Надолго ли, милая Юдифь, ты нас покидаешь? На какое время ты решила вступить в эту работу?

– Думаю, дорогая Женя, что посвящаю себя Господу на всю мою жизнь! – задумчиво ответила девушка. – По крайней мере, я так хочу.

Работа, на которую теперь пошла Юдифь, оказалась очень трудной. Предупреждения проповедника не были только словами: каждый день приходилось переживать много трудностей, иногда даже больших, чем предполагалось.

Для Юдифи, воспитанной в любви, под заботливой охраной родителей, не обладавшей при этом крепким здоровьем, первое время было очень тяжело переносить лишения кочевой жизни. Окружавшие её думали иногда, что она не в силах будет продолжать эту работу. Но любовь и сострадание к ближним давали ей каждый день всё новые и новые силы. Не имея сил в себе, она в горячих молитвах черпала их в своём Искупителе.

Множество чужих, встречаемых ею каждый день страданий вызывало в её сердце всё большее рвение к самоотверженному служению. Духовная жажда чувствовалась везде и повсюду. Уставшие от борьбы и страшного напряжения души искали покоя во Христе Иисусе. Проповедь Евангелия многие принимали с большой радостью и благодарностью Господу. Повсюду люди отдавали Ему сердца, раскаиваясь в своих преступлениях. При этом почти в каждом селении миссионеры встречали множество больных – война способствовала распространению эпидемий. Несчастные люди оказались без всякой медицинской помощи и должного ухода, умирали целыми семьями. Вместе с другими Юдифь всецело отдалась этой работе, стараясь оказать помощь несчастным страдальцам.

Так проходила теперь жизнь Юдифи – изо дня в день в служении ближним. Господь указал ей этот труд, и она исполняла его самоотверженно, с радостью и благодарностью, не щадя своих сил.

Стояло жаркое лето. Раскалённый, как в печи, воздух затруднял дыхание. Едкая уличная пыль наполняла деревенские домики, в которых нередко было много больных. От жары и пыли негде было укрыться.

В одном из домов на окраине селения, окружённом небольшим садом, несколько дней тому назад поселилась группа незнакомых в этой местности людей. Трое из них, заразившись тифом, лежали теперь в тяжёлой болезни, находясь между жизнью и смертью. Остальные двое были ещё здоровы и день и ночь по очереди ухаживали за больными.

Стояла душная ночь, от раскалённого за день воздуха было тяжело дышать, в особенности больным. Окна комнаты были открыты. У одного окна, выходящего в сад, лежала девушка; вот уже несколько часов она находилась в бреду. У её кровати сидел дедушка Асин – так звали одного из остановившихся здесь путников. Теперь он пристально смотрел на больную, которая, устремив на него свой взор, долгое время что-то бормотала, указывая в пространство поднятой исхудалой рукой.

Дедушка напрягал внимание, чтобы понять, что она говорит. Но, ничего не понимая, с сожалением качал головой: девушка говорила на незнакомом ему еврейском языке. Вдруг она, придя в себя, протянула к нему руку и спросила:

– Ты не понял, дедушка, что я говорила? А ведь я думала, что ты всё понимаешь...

Дедушка взял руку больной и, нащупав пульс, ответил:

– Нет, я ничего не мог понять. Но что с тобою, Юдифь? Ты говорила почти два часа и при этом сильно волновалась.

– Ах, дедушка, я переживала сейчас чудное видение: мы с тобою находились в каком-то громадном величественном храме, наполненном еврейским народом. Там же присутствовали первосвященники в пышном облачении. А посреди этой громадной толпы, недалеко от нас, молча стоял бедно одетый человек. Его взор был обращён к восточной стороне храма, он смотрел на стоявших там людей. Я не могла отвести от Него взора! Я чувствовала, это – Иисус Христос, Мессия Израиля, пришедший теперь к Своему народу. Ты тоже говорил мне, что это Он...

И тогда я решила засвидетельствовать перед всем этим собранием, что Он спас меня от моих грехов и что Он хочет спасти также всех остальных людей. Я начала им рассказывать, что Он со мною сделал. А Он всё стоял на месте... Я указывала им на Него, но они, по-видимому, Его не видели... Однако, слушая мои слова, многие плакали и били себя в грудь. Многие из народа, и даже первосвященники, поднимая вверх руки, с сильным воплем зывали о прощении. Я была рада их раскаянию, но должна была так напрягать свой голос, чтобы все слышали меня в поднявшемся шуме, что мне стало тяжело.

И знаешь, дедушка, теперь я чувствую себя так хорошо, так легко, будто совершенно и не была больна, – продолжала Юдифь. – Господь, Которого я только что видела, наверно, исцелил меня! Ах, какой же это был радостный момент – видеть наш народ кающимся пред лицом Господа! Я так хотела бы вновь пережить это видение! Думаю, наш благословенный Господь скоро придёт, чтобы собрать Свой народ из всех стран и племён. Он показал мне, наверно, тот величественный храм, который в скором времени будет построен в Иерусалиме!

Дедушка молча слушал, что говорила Юдифь. Для него эта быстрая перемена состояния больной, вот уже несколько дней борющейся со смертью, казалась невероятной. Она говорила теперь о своём переживании совершенно здоровым голосом, весело глядя на него. Пульс был нормальным и температура тоже. Наконец он проговорил:

– Да, Юдифь, Господь очень скоро придёт для всего мира и Израиля, но для тебя, я вижу, Он приходил в этот час. Он коснулся твоего тела и облегчил твою болезнь. Слава Богу! Поблагодарим Его теперь за эту милость, – с этими словами слуга Христа, склонив колени у постели больной, вознёс горячую благодарность Господу за помощь, оказанную таким чудным образом.

– Не правда ли, я скоро опять смогу работать? – обратилась к нему больная после молитвы.

– Да, если Господь даст тебе для этого нужные силы, ты вновь сможешь употребить их для Его славы, и мы

будем вместе работать для Него. Теперь же, я думаю, было бы хорошо, если бы Он дал тебе крепкий сон. Мы прекратим наш разговор, и ты постарайся уснуть!

С этого момента здоровье Юдифь быстро пошло на поправку. Как видно, Господь хотел оставить Свою верную рабу ещё на короткое время в этом мире. Не пришло время для её перехода к Нему. Девушка должна была сделать ещё кое-что для Его славы на этой земле, новые души должны были быть привлечены к Господу через её служение, хотя в начале болезни было очень мало надежды на её выздоровление.

Последнее перед болезнью время было особенно тяжёлым для слабых сил Юдифи. Беспрерывная работа, тяжёлые переходы из одного селения в другое, иногда по несколько десятков вёрст, нередко под проливным, застигшим в дороге дождём, с тяжёлой ношей за плечами, состоявшей из книг, перемены белья и других самых необходимых вещей. Ко всему этому, скудная пища, иногда совершенный голод, частые преследования со стороны противников Евангелия, которые старались причинять зло проповедующим, вплоть до арестов. Иногда рассвирепевшая толпа противников Евангелия готова была растерзать свидетелей истины, как волки – овец.

Незадолго до болезни, уже крайне изнурённая и уставшая, Юдифь нашла в одном доме несколько больных детей, лежавших на грязном земляном полу, в истлевших лохмотьях вместо белья, покрытых паразитами.

Родители их умерли, и дети были брошены без всякой помощи, обречены на неминуемую смерть.

Пройти равнодушно мимо этих несчастных было немислимо, и Юдифь, вместе с другими, принялась за их спасение. Обмытых и переодетых в чистое бельё детей положили в приготовленные для них кровати, а комнату убрали и проветрили. Через несколько дней заботливого ухода больные дети поправились, но совершенно измученная Юдифь слегла, заразившись тифом от своих маленьких пациентов. Несколько недель провела она в постели, борясь со смертью. Но Господь и здесь, как мы уже видели, пришёл на помощь Своей слабой, но верной дочери.

При всех этих тяжёлых переживаниях в работе и во время болезни Юдифь ни на минуту не забывала своих родителей и своего народа. Со времени последней встречи с ними она не имела от родителей никаких известий. Посланные ею письма остались без ответа. Это было для неё самым большим испытанием. Иногда она, удалившись в уединённое место, проливала горячие слёзы и возносила молитвы к Богу о своих родителях. Ей было очень тяжело, что горячо любимая мать рассталась с нею в последний раз со страшными проклятиями на устах. Девушку ужасала мысль, что мать может вдруг умереть без мира в сердце, не примирённая с нею. Тогда она, наверно, погибнет навеки! Иногда у неё появлялось желание поехать домой и умолять мать, чтобы она отдала своё сердце Господу. Но она понимала, что поступить

так – совершенно невозможно. Ничего не могла она сделать для спасения матери, отца и сестёр, лишь горячо и часто просила о них Господа в своих молитвах.

Болезнь, оторвавшая Юдифь на несколько недель от работы, миновала, и как только она почувствовала себя бодрой и здоровой, снова принялась за распространение евангельской вести среди людей, ещё не знавших счастливой и святой жизни в общении с Христом Иисусом.

После смерти Юдифь случайно сохранился листок, вырванный из её дневника, в котором она пишет об этом времени:

«Понедельник, 29 сентября. Слава Богу, что ко мне вернулись силы, и я могу кое-что сделать для моего Господа. В пятницу мы были в селении Г., в субботу – в Н.; в воскресенье утром пошли на русское собрание, после обеда – на немецкое, потом – снова на русское, потом было наше женское совместное собрание. После пошли на вечернее собрание. Много свидетельствовали о Господе, пели, молились; Господь чудно благословлял».

Собравшиеся крестьяне или больные, за которыми она ухаживала, слушая её простое свидетельство о Христе, часто задавали ей вопрос:

– Как же ты, еврейка, проповедуешь нам о Христе, Которого евреи распяли и Которого они не признают до сего дня?

Тогда Юдифь, обыкновенно с детской простотой, рассказывала им о том, как нашла своего Господа и отдала Ему на служение свою жизнь, живя всецело лишь для Него.

– Ведь ты же ещё совсем молодая и такая нежная! – заметила однажды, перебив её рассказ о Христе, старушка, слушавшая девушку со слезами на глазах. – Нам, старикам, пора уже подумать о Боге, а ты ещё такая молодая! И вот гляжу я на тебя, красавицу, и думаю: как ты не похожа на других людей!

– Почему же, бабушка, я не похожа на других? – спросила Юдифь, с любовью глядя на сморщенную старушку.

– Да как же, доченька, другие в твоих летах даже и не думают о Боге – гуляют да ищут себе хороших женихов и невест. А ты вот ходишь с сумкой по сёлам, говоришь нам о нашем Избавителе Господе, лечишь больных и ни от кого не берёшь даже платы за свою работу и заботу о нас. Ах, если бы Бог послал к нам, бедным и неграмотным людям, больше таких, как ты, благодетелей! – при этих словах старушка вытерла рукавом влажные от слёз глаза.

Юдифь выслушала эти слова, исходившие из глубины сердца растроганной старушки, и также прослезилась.

– Да, бабушка, милая моя, – ответила она после короткого молчания, – я так же, как и все другие, некоторое время тому назад гуляла, имела всё для жизни в достатке, был у меня очень хороший жених, я веселилась

и вообще жила, как все люди. Но когда я узнала моего Господа, то оставила прежнюю греховную жизнь, оставила своего жениха и стала невестой Христа. Я отдала Ему моё сердце и всю жизнь. А Он научил меня любить людей, как любит Сам, и делать то, что я теперь делаю среди вас. За мой труд Он Сам даст мне чудную награду там, в небесах, когда я буду с Ним. Да и здесь Он уже так много сделал для меня и для вас! Он отдал ради нас Свою драгоценную жизнь, умер в мучениях на кресте. Любовь к нам, бедным и слабым грешникам, заставила Его это сделать. От нас Он совершенно ничего не требует, кроме нашего измученного и загрязнённого грехом сердца, которое хочет омыть Своею кровью. После же смерти Он введёт нас в Своё славное Небесное Царство.

– Моя голубка, как хотелось бы мне быть в Его Царстве! Я много об этом думала в последнее время, но знаю, что я великая перед Ним грешница! Как Он может принять меня такую в Своё Царство, где находятся святые, безгрешные люди? Когда-то я была, как ты, молодая и красивая; всё это прошло... Теперь морщины покрывают моё лицо, да совесть сильно укоряет о совершённых грехах. В молодые годы я не была похожа на тебя, совершенно не думала тогда о Боге, о смерти, о том, что мне придётся когда-либо отвечать за мои грехи перед праведным Судьёй. Мне казалось, я всегда буду молодой и здоровой, но вот я уже дряхлая развалина... Скоро наступит мой конец, а что там? Вся моя жизнь прошла

без Бога, сердце полно грехов. Всё осталось в прошлом, ничего не беру я в этот предстоящий предо мною путь, лишь пороки идут со мною. Что ждёт меня там, за гробом? Эти мысли пугают меня, часто я провожу без сна целые ночи, думая об этом. О, если бы умилился надо мною Господь и простил меня, великую перед Ним грешницу! – с этими словами слёзы раскаяния полились по её старческим, впалым щекам.

Через несколько часов, целуя Юдифь и с радостным взором напутствуя её благословениями, счастливая старушка стояла на пороге своей хаты. Через Юдифь она познала любовь Христа и отдала Ему своё сердце, которое Он очистил от всех грехов Своею кровью. И полный мир воцарился в душе этой пожилой женщины в последние дни её земной жизни.

– Господь послал тебя ко мне как Своего ангела! Видно, любвеобильный Бог искал меня, погибшую овцу, – говорила, радуясь всем сердцем, старушка. – Теперь ты идёшь к другим, таким же, как и я, бедным грешникам. Иди же, моя голубка, иди невеста Христова! Да будет Он Сам везде с тобою! Я уже не могу пойти служить Господу, мои ноги устали ходить по земле. Но я готова теперь с радостью перейти к Нему, в Его Царство. Меня не страшит больше приближение смерти, но радуется! – обильные слёзы вновь полились из её старческих глаз. Ей было жаль расстаться с Юдифью.

– Прощай, милая бабушка и теперь дорогая моя сестра в Господе! Я должна идти дальше. Впереди ещё

много душ, которых любвеобильный Господь хочет привести к Себе. Быть может, скоро увидимся там! – при этом Юдифь подняла сияющее радостью лицо к небу. – Господь с тобою, моя сестра, в эти последние дни! – с этими словами, надев на плечи свою дорожную сумку, Юдифь пошла дальше.

Так изо дня в день протекала в служении жизнь Юдифи. Любовь к Господу и многочисленные обращения поощряли её к дальнейшему труду. И эта работа не оставалась тщетной и бесплодной.

Бывали случаи, когда люди встречали её вначале холодно и враждебно, но, побеждённые любовью, простотой и истиной, которую она им возвещала, склонялись у ног Господа в глубоком раскаянии в своих грехах.

Такие случаи более всего радовали Юдифь, и в её сердце теплилась надежда, что и её родители могут быть, в конце концов, покорены любовью Христа и склонят свои колени перед Ним, Мессией и Искупителем.

* * *

Тяжёлая болезнь, перенесённая Юдифью, не осталась без последствий. Она поднялась с постели как будто другим человеком. Всегда жизнерадостная и живая, она теперь точно преобразилась, будто только что побывала на Фаворе, горе Преображения, и явившаяся ей слава Господня отражалась теперь во всей её жизни. Юдифь стала тихой и спокойной, странная тень задумчивости часто лежала на её раньше всегда

весёлом лице. Это не была грусть или тоска о чём-либо земном, о родителях или друзьях. В последнее время она часто думала о небесной родине. Всё её существо выражало стремление к горным чертогам, душа томилась и направлялась туда. Все её слова и действия теперь стали более глубокими и серьёзными.

Эта перемена не ускользнула и от окружавших её сотрудников, вместе с которыми она продолжала свою работу. Самой любимой темой её бесед, при переходах из одного селения в другое, было пришествие Господа, восхищение Церкви и встреча с Ним.

– Знаешь, дедушка, – обратилась она однажды к благовестнику, руководившему этой маленькой группой, – во время моей последней болезни я часто видела нашего Господа в различных местах, и все эти видения связаны с Его вторым пришествием на землю. И мне кажется, что Он скоро придёт за Своею Церковью. Иногда я думаю, что вот-вот мы услышим Его призыв. Какой-то внутренний голос, который уже так часто ободрял и поддерживал меня во всех случаях жизни, при всех испытаниях после моего обращения, говорит мне, чтобы я была готова встретить Господа, и я ожидаю Его каждый час. Этот земной мир казался мне раньше таким дорогим, я много ещё думала о земном, но теперь всё земное кажется мне далёким и чуждым. В последние дни я даже не чувствую тяжести в сердце, когда вспоминаю о родителях. Я стала думать о них совершенно спокойно. Чувствуешь ли ты себя, дедушка, так же?

– Нет, Юдифь, – ответил благовестник. – Я не чувствую этого, но верю, что пришествие нашего Господа очень близко. Думаю, ещё при моей жизни здесь, на земле, увижу Его лицом к лицу. При этом у меня усиливается желание жить и свидетельствовать людям о Его скором пришествии. Правда, я вот уже некоторое время присматриваюсь к тебе и вижу, что после болезни ты очень изменилась. Мне казалось иногда, что ты ещё не совсем здорова и рано начала свою работу. Я думал, для тебя тяжелы все эти трудности, с которыми мы встречаемся в последнее время. Иногда я хотел послать тебя на несколько недель для отдыха в какую-либо из знакомых нам общин верующих, где ты могла бы немного укрепиться силами для дальнейшей работы. Эта мысль занимает меня и теперь, ведь ты всё-таки ещё слаба после болезни.

– Нет, дедушка, я совершенно здорова, и все эти трудности мне кажутся теперь гораздо более лёгкими, чем прежде. Об отдыхе я совершенно не думаю и была бы самым несчастным человеком, если бы меня отстранили от работы, хотя бы на короткое время. Чувства, о которых я тебе только что говорила, не связаны ни с болезнью, ни с усталостью. Это лишь твёрдое убеждение, что Господь скоро возьмёт меня к Себе, – при этих тихо произнесённых словах лицо Юдифи озарилось внутренней радостью, и она подняла свои задумчивые глаза к небесам, откуда ожидала своего Господа, небесного Жениха.

– Если так, Юдифь, то да поможет тебе Господь быть готовой встретить Его каждую минуту. Жребий нашей земной жизни Он Сам держит в Своей руке. Быть может, и в самом деле наступает час твоего отхода к Нему! Или даже для всех нас и всех Его искупленных на земле. Я твёрдо верю, что Он скоро грядёт, хотя и не чувствую этого так, как ты. Будем же работать в эти, быть может, последние для нас дни, дабы, когда Он придёт, нам оказаться не спящими, а твёрдо стоящими в труде в Его винограднике. Его голос и раньше призывал верующих в Него к труду и бодрствованию, а тем более в наши дни. Мы видим, как ночь греха всё более и более покрывает народы, беззаконие усиливается, любовь в сердцах верующих охладевает.

Светильники церкви быстро гаснут повсюду. Над миром разражаются всё большие бедствия и потрясения. Господь посылает их как пробуждающие мир последние толчки, как предостережение верующим о Его скором пришествии и последнем суде над миром.

Но одно в эти дни утешает меня: во время тяжёлых судов над нашей родиной многие души пробуждаются от греховного сна и обращаются к Богу. Его толчки не проходят бесследно! Сколько селений пришлось нам посетить за это время совместного труда, и я не припоминаю почти ни одного селения, где не было бы душ, откликнувшихся на призыв Господа. Будем же бодрствовать и совершать наш труд до конца!

Глава 6

Юная мученица

*Тучи сгущаются. Последние дни.
Верность до смерти*

Стояла глубокая осень. Пожелтевшие листья, сорванные ветром, лежали, как жёлтый ковёр, на мокрой земле. Шёл сильный, холодный дождь.

Через небольшой лесок около селения пробиралась небольшая группа людей. Они обходили по упавшей листве грязные лужи, по колено в грязи и совершенно мокрые от дождя, а за плечами у них были дорожные сумки.

Подойдя к селению и осмотревшись кругом, путники зашли в третий от околицы крестьянский дом. Хозяева с радостными лицами приветствовали гостей, помогали им освободиться от мокрой, прилипшей

к телу одежды и обуви. Путники были голодные и уставшие, но их лица светились радостью, и в голосе не было слышно уныния и ропота. Коротко рассказав гостеприимным хозяевам о только что совершённом пятнадцативёрстном пути по грязной дороге, под проливным дождём, они вместе с ними преклонили колени и вознесли горячую благодарность Богу за дарованные им силы для пути и радостную встречу с Его детьми, под кровом которых нашли теперь временный приют.

– Мы так рады и благодарны Господу, что вы пришли! – сказал хозяин дома. – Вот уже несколько дней мы и многие в нашем селении с нетерпением ожидаем вашего прихода. Нам передали, что вы держите путь мимо нас. Я собирался уже было выехать навстречу, но дожди сделали дорогу совершенно невозможной для езды. Вчера через наше селение проходили войска, и четвёрки лошадей едва тащили брички с больными и ранеными солдатами. А на паре лошадей, да ещё таких, каких оставили мне солдаты вместо взятой у меня четвёрки, и одной версты не проедешь по такой грязи! Так что мне пришлось остаться только при добром желании помочь вам... Но, слава Богу, вы теперь здесь! Господь не оставил вас без Своей помощи!

Вы, наверно, пожелаете иметь у нас в селении собрание вечером? Если да, то я могу известить об этом жителей. Все так уже устали от всего переживаемого в последние дни, что даже и те, которые раньше

противились, теперь ищут Бога и желают слушать о Нём. Кроме того, как вы знаете, вся наша местность занята войсками, и многие дома переполнены больными и ранеными. Тифозные солдаты заразили и местных жителей, так что теперь у нас настоящее горе. Не знающие Бога люди совершенно упали духом, а нас, верующих, здесь всего несколько семейств, да и мы уже потеряли бодрость... Ведь почти каждый день приезжают солдаты, берут последний хлеб, скотину, одежду и вообще всё, что кому нужно и нравится, а протестовать или прятать невозможно, – если найдут спрятанное, то моментально расстреливают... Трудные наступили нынче времена, что же будет дальше! – добавил, тяжело вздохнув, хозяин дома.

– Вот что, дедушка, не пойти ли мне сейчас навестить некоторых больных? – обратилась одна из пришедших к благовестнику.

– Нет, Юдифь, мы сегодня очень устали, и ты, я думаю, не меньше других. Потом, кажется, наша хозяйюшка суетится с обедом, а мы ведь проголодались, нужно подкрепить силы. До вечера нам надо отдохнуть и подготовиться для работы в этом селении. Нужно просушить одежду и обувь, а вечером мы устроим здесь первое собрание, познакомимся с людьми. Завтра, если Господь сохранит нас до того времени, будем делать, что Он укажет. Как видно, здесь много придётся потрудиться.

Работы в этом селении и окрестностях действительно было очень много. Последнее время маленькая

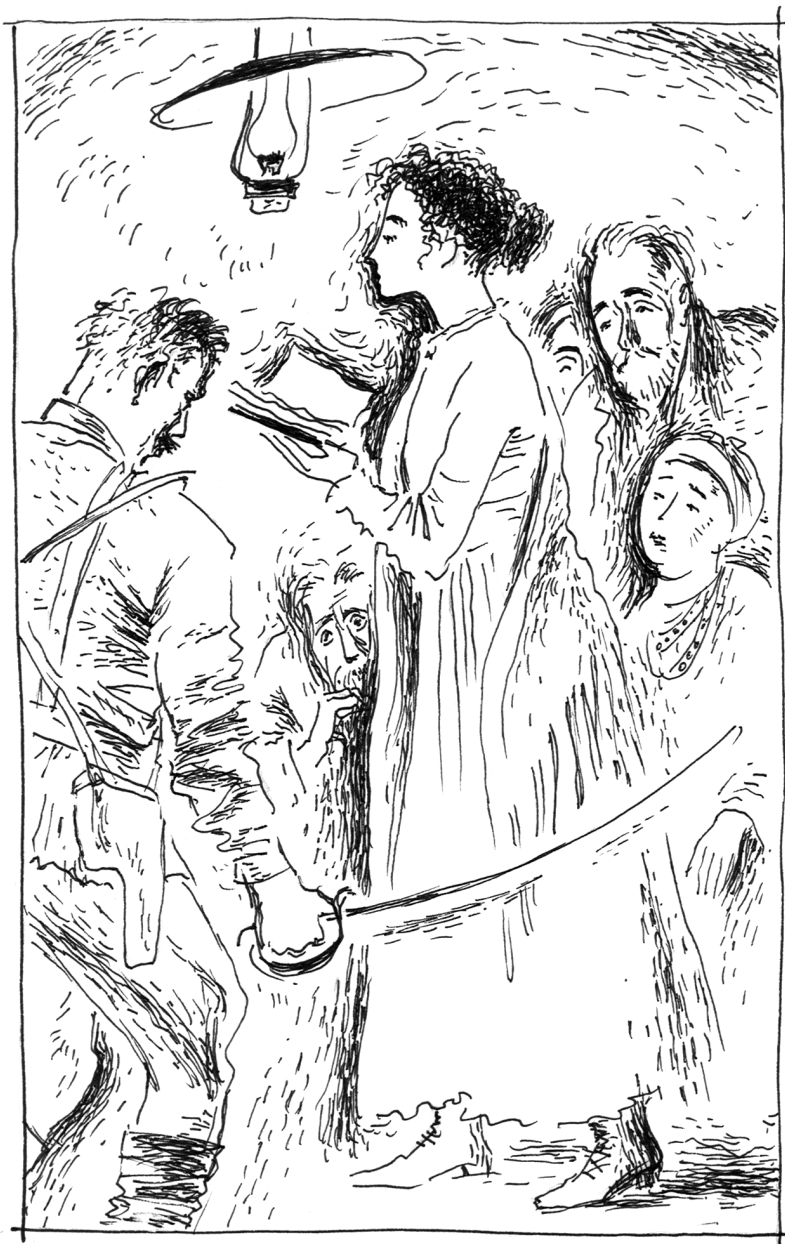
миссионерская группа находилась в местности, занятой одной из армий, которые противостояли в гражданской войне. Кругом царила смерть, эпидемия тифа вырывала из рядов войск больше человеческих жизней, чем самые жаркие сражения.

Юдифь шла теперь среди всех этих бедствий по долине смерти. Холод, дожди и грязь не были преградой в её служении несчастным людям, больным телесно и духовно. Оказывая помощь и ухаживая за ними, она не упускала ни одного случая, чтобы засвидетельствовать об Иисусе Христе и Его любви.

Во время чтения Евангелия местным жителям часто присутствовали солдаты. Некоторые из них, тронутые Словом и любовью Господа, сознавались в своих злодеяниях, останавливались на пути погибели и склонялись у ног Христа, прося прощения за прошлое и сил, чтобы стать на новый, святой путь.

Однако раскаяние солдат и проповедуемая евангельская истина приводили многих в настоящую ярость и исступление. Иногда противники Бога начинали противоречить и поносить всех верующих в Него и читающих Евангелие.

– Вы ходите повсюду только для того, чтобы морочить людям головы своим Евангелием! – сказал однажды один из таких противников истины. – Знаем мы всех этих проповедников, давно нужно было бы вам всем отрубить головы! И это обязательно случится! Где вы были раньше?! Почему не говорили о покаянии

богачам, когда они угнетали рабочий народ? А теперь, когда мы восстали против них с оружием в руках, вы идёте среди нас, пугаете муками ада, говорите о наших грехах, любви Христа и призываете любить друг друга. Вот наша ко всем вам любовь! – При этом он угрожающе потряс в воздухе обнажённой шашкой. – Вот каким языком любви мы объяснимся теперь со всеми подобными вам!

Видно по вашему лицу, что вас раньше не жгло солнце в степи, не дышали вы тяжёлым, пыльным воздухом фабрики, – продолжал он. – Наверно, сидели в каком-нибудь тёплом гнезде. А теперь, когда мы разорили ваши гнёзда, вы разлетелись в разные стороны, чтобы призывать нас к любви и жалости? Мы покажем вам и вашему Христу нашу любовь! И ведь находятся ещё люди, желающие слушать, что вы там читаете из своего Евангелия, этой книги сказок и небылиц, да и плачут, как бабы, слушая вас! Посмотрите-ка на неё (при этом он указал шашкой на Юдифь), ведь она даже не русская! Она, наверно, еврейка! Евреи, как она вам читает из своего Евангелия, распяли Христа, а теперь вот еврейка проповедует вам этого Христа как Бога. Вот так история! Её гнать нужно отсюда! Или, лучше всего, повесить! – при последних словах солдат захохотал страшным, леденящим душу хохотом.

Солдат оказался махновцем, и пока он говорил, Юдифь молча стояла с открытым Евангелием в руках, с любовью глядя на собравшихся людей.

– Да, этот человек сказал обо мне многое правильно, – проговорила она, когда махновец умолк. – Он говорил, что я еврейка и раньше не работала ни в поле, ни на фабрике, а жила в хорошем доме и в достатке – это всё правильно, и он не ошибся. Но только не потеря имущества заставила меня покинуть мой дом и не желание обманывать других, а любовь к моему Господу Иисусу Христу и ко всем людям.

Меня с детства учили, что Христос был обманщиком, а Евангелие – ложь. Я верила этому и жила, как живут другие люди. Но благодарю моего Искупителя за то, что Он дал мне возможность однажды попасть на такое же, как здесь, собрание, где читали Слово Божие и говорили о Христе. Там я впервые ясно увидела, что Христос – не обманщик, а сотворивший нас всех Господь Бог, Который впоследствии пришёл на землю и умер за нас, чтобы освободить нас от грехов, примирить с Богом и друг с другом.

Грех разделил людей на бедных и богатых, на русских, немцев, англичан, китайцев, евреев и т. д. Вследствие греха люди враждуют друг с другом, убивают и преследуют, затевают страшные братоубийственные войны. Но Христос пришёл, чтобы снова соединить всех людей в один народ. И вот, когда я узнала это из Евангелия, я перестала считать себя еврейкой. Я узнала, что все люди должны быть братьями и сёстрами и все должны помогать друг другу, любить друг друга, как хочет этого и как учит Христос Господь.

Со дня моего обращения к Христу я решила идти и говорить везде и всем об этой чудной и радостной вести любви, – смело заявила Юдифь. – Это я говорю и сегодня всем собравшимся здесь. Разве убивающий – не такой же человек, как и убиваемый? Разве не страшна для него преждевременная насильственная смерть? Разве не плачут жёны, дети и родители о своих убитых близких? Вот и здесь есть несколько молодых людей с оружием в руках. Разве ваши матери не будут проливать горячие слёзы, если услышат о вашей смерти? Быть может, некоторые из вас оставили дома детей-малюток? Неужели они не будут страдать, оставшись сиротами? А вы сами, каждый из вас, разве хотите умереть? Каждый день вам угрожает смерть от таких же, как и вы, вооружённых людей.

Но всё это ещё не самое главное и страшное. Что же ожидает вас всех там, за гробом? А ведь умереть рано или поздно нам придётся всем, без исключения. Какова наша жизнь здесь, на земле, – такова и вечность. Смерть освободит наши души от тела, но не от греха и его последствий – вечных мучений. Наша совесть не может очиститься, проходя через ворота смерти. Наоборот, при этом переходе лишь обнаружатся все наши мысли, слова и дела. О, ужас – увидеть тогда самих себя в настоящем виде и свете! Куда мы тогда укроемся? Невозможно уйти от самого себя и дел, идущих за нами!

Теперь же, пока ещё не поздно, Господь призывает вас! Он хочет омыть Своею кровью каждое порочное,

но раскаивающееся перед Ним сердце. Моё сердце Христос уже омыл, когда я пришла к Нему, услышав о Нём впервые в жизни. Он омоет и ваши сердца сегодня, в этот час! Придите и вы к Иисусу с раскаянием, откройте перед Ним ваши сердца в молитве!

Многие сидели со слезами раскаяния на глазах, слушая простое, исходящее из сердца свидетельство Юдифи. Но тот, который уже раньше ей возражал, становился всё более нетерпеливым. Страшным, угрожающим взором он смотрел на стоявшую впереди девушку, нервно стуча об пол концом обнажённой пашки. При последних словах призыва он выскочил из дома, где проходило евангелизационное собрание, и со страшными ругательствами захлопнул дверь.

– Тебе скоро придётся раскаиваться в твоих словах! – бросил он напоследок Юдифи.

* * *

Проходил день за днём. Всё время стояла холодная, дождливая погода, бушевал ветер. В природе было так пасмурно и мрачно, будто над всем миром был разостлан тёмный саван смерти. Но всецело поглощённая заботой о больных и стремлением привести к Христу жаждавшие покоя души, Юдифь как будто совершенно не замечала суровой и скучной осенней картины. Для неё всё было озарено светом. Она ходила днём и даже тёмными вечерами по грязным улицам деревни, посещала нуждавшихся в её помощи. Куда бы она ни

приходила, всюду приносила с собой свет Христа, распространяла дарованный ей Господом глубокий сердечный мир в этой долине греха и смерти.

Не замечала она и того, что над её жизнью сгущались зловещие тёмные тучи. Любовь к погибавшим душам и ожидание пришествия Господа заставляли её до самого последнего момента смотреть на всё светло и радостно. А между тем диавол, князь тьмы и всякого зла на земле, не мог смотреть равнодушно, как, благодаря работе слабой, но верной служительницы Христа, одна за другою освобождались души, находившиеся под влиянием его тёмных сил.

В последнее время диавол всё чаще вооружал против неё жестокие, огрубевшие в злодеяниях сердца. Этим тёмным душам не нравился свет, который Юдифь распространяла вокруг, и они всё больше ожесточались, пока окончательно не созрели для совершения ещё одного злодеяния.

На одном из своих совещаний эти злые люди, противники Евангелия, решили убить миссионеров, которые напоминали им о грехе и грядущем суде Божиим. Они решили убрать светильник со своего тёмного, ведущего к вечной гибели пути. Через несколько дней приговор был приведён в исполнение.

* * *

На рассвете пасмурного осеннего дня пробирался по засеянному озимым хлебом полю, из одного селения

в другое, одинокий путник. В прошлую ночь был довольно сильный мороз, и замёрзшая теперь, набухшая от последних дождей земля давала возможность идти без всякой дороги. При этом можно было заметить, что путник старательно уклонялся от дороги и пробирался по степи низменными местами и балками. По-видимому, он от кого-то прятался или хотел скрыть направление своего пути.

На его лице лежала глубокая печаль, время от времени тяжёлые вздохи вырывались из груди прохожего, и он подымал скорбный взор к небу. Но вот, миновав последнюю возвышенность, мужчина снова начал спускаться в лежавшую впереди балку, в которой было расположено небольшое селение Андреевка, окутанное густым утренним туманом.

Прохожий остановился. Внимательно осмотревшись, он повернул влево и начал пробираться через заросшие сады вдоль селения. Оттуда до него изредка доносились разговоры людей и другие сельские звуки, свидетельствовавшие о том, что с утренним рассветом просыпается деревня.

Наконец, дойдя до окраины, он направился к крестьянскому хозяйству, за садом которого находился большой сарай. В прежнее время сарай служил местом хранения корма для скота, но теперь, совершенно заброшенный, представлял из себя громадный, разрушавшийся от времени шалаш. Подойдя к нему, путник ещё раз остановился и, осмотревшись кругом,

направился к воротам сарая. В этот момент его лицо было бледно, губы плотно сжаты, как будто он готовился к какой-то важной встрече. Осторожно открыв дрожащею рукой тяжёлые ворота, заскрипевшие на заржавленных петлях, он вошёл внутрь, плотно затворив их за собою. Сделав несколько шагов в глубину сарая, остановился перед каким-то телом, лежавшим на земле, которое трудно было разглядеть в темноте.

Пришлось приоткрыть ворота, чтобы впустить побольше света. При этом глазам вошедшего представилась жуткая картина. В нескольких шагах от ворот лежало изрубленное пашками, бездыханное тело девушки. Было видно, что умершая в момент смерти стояла в молитве на коленях. Её левая, застывшая теперь, рука держала ещё прижатую к груди Библию, облитую кровью её владелицы. Правая рука лежала под склонённой, разрубленной в нескольких местах головой.

Вошедший несколько минут стоял молча, глядя на убитую девушку. Наконец тяжёлый стон вырвался из его груди.

– Бедная Юдифь! – произнёс он тихо. – Вот где нашла ты конец своей жизни... Впрочем, ты счастлива, теперь ты находишься рядом с Тем, Кому отдала своё сердце, для Которого жила здесь, на земле, и ради Которого погибла мученической смертью. Может, скоро придёт и мой конец. Может, и дедушка пойдёт вскоре вслед за тобою!

«Стоять здесь слишком рискованно, – подумал дедушка-миссионер, – а это был именно он, благовестник и сотрудник Юдифи. – Убившие её находятся ещё здесь, в селении, и если заметят, та же участь постигнет сейчас же и меня. А может быть, ещё рано для меня? Ведь кругом так много работы... Даже и похоронить её нет никакой возможности!» И, выйдя из сарая, он вновь через сады и балки незаметно пошёл дальше, в другое селение.

* * *

Юдифь погибла, благословляя и молясь за своих палачей. За день до смерти, простившись с бабушкой и другими сотрудниками после совместной молитвы, она направилась в соседнее селение, где, по обыкновению, начала свой труд, свидетельствуя о любви Христа словом и делом, помогая нуждавшимся и больным. Около четырёх часов дня в избе, где остановилась Юдифь, собралось много народа – слушать чтение Евангелия и его пояснение.

В этот день Юдифь свидетельствовала о Христе с глубокой любовью. Господь казался ей таким близким, как ещё никогда, будто она видела Его своими глазами, стоявшего посреди собрания. Люди слушали её с большим вниманием. Вдруг во время её свидетельства в дом вошли несколько вооружённых солдат. Как видно, они пришли для выполнения уже заранее принятого решения.

– Разойдитесь сейчас же по домам, если хотите остаться в живых! – заявил один из вошедших. – Нам нужна только вот эта... – и он указал на стоявшую Юдифь.

При этих словах один из вошедших, с обнажённой шашкой в руке, направился к девушке, державшей в руках раскрытую Библию.

Слушатели, привыкшие уже к массовым убийствам, зная, что эти люди не остановятся ни перед чем, выбежали из дома, стараясь как можно скорее уйти от места нового убийства. Юдифь осталась одна среди своих палачей.

– Ты кто такая? – обратился к ней солдат. – Кто послал тебя сеять этот дурман среди людей? Кто подкупил тебя идти и призывать солдат нашей армии любить ближних и врагов, когда они должны уничтожать без всякой пощады всех белоручек, подобных тебе?! Отвечай сейчас же, это твой последний допрос!

Юдифь молча, с сожалением глядела на стоявших перед ней вооружённых людей и после минутной паузы ответила:

– Кто я, вы, наверно, уже давно знаете. Впрочем, могу сказать вам ещё раз, что я – еврейка, но обратилась к Христу, стала Его последовательницей и ученицей. Иисус послал меня ко всем людям и к вам, чтобы сказать, что Он умер за всех людей и за вас тоже, что Он любит вас и теперь призывает ещё раз – обратиться к Нему всем сердцем и оставить порочную жизнь.

Он купил меня, отдавши для этого в жертву Самого Себя. Он уплатил за меня ценой Своей крови на голгофском кресте. Это Иисус сделал и для вас. Он любит вас святой любовью и послал меня возвестить вам об этой любви сегодня.

– Зиньков, прикажи твоей шашке, чтобы она заставила замолчать этот язык! Довольно, мы уже наслушались таких речей! – закричал командир группы солдату, задававшему вопросы. – Впрочем, не стоит пачкать её кровью пол этого дома, отведите её в сарай или конюшню!

– Следуй за мной! – приказал Юдифи стоявший около неё, направляясь вон из дома. Остальные, с обнажёнными шашками в руках, окружили девушку. Все направились к стоявшему за домом заброшенному сараю.

Юдифь поняла, что настал последний момент её жизни на земле. Ещё мгновение – и она навеки соединится со своим Искупителем и Господом! Идя посреди вооружённых людей без малейшего страха, она всё время говорила о любви Иисуса к ним и необходимости для них отдать Ему свои сердца.

Войдя в сарай, Юдифь упала на колени и в последний раз обратилась к Богу с мольбой о своих родителях:

– Я к Тебе отхожу, мой Спаситель и Господь! Но Ты знаешь, что здесь остаются ещё те, которых я так горячо любила. Молю Тебя, мой Бог, не дай погибнуть им в грехах, но обрати их к Тебе! Прости мою маму за её поступок со мною, не вмени ей этого греха!

Какая-то сила удерживала руки палачей, пока Юдифь возносила своё последнее моление к Богу. Они были точно парализованы и молча смотрели на склонившуюся девушку. Невидимая рука удерживала их от грубости и издевательств над нею.

– Прости, мой Господь, и этих бедных людей, которые хотят прервать мою земную жизнь. Не вмени им этого греха, но коснись Твоею пронзённой рукой их сердец и обрати их к Тебе! Прости и не вмени моей крови, ибо они не знают, что делают!

При последних словах над наклонённой головой Юдифи со свистом блеснула в воздухе шашка и несколько раз опустилась на её голову и тело. Последние слова молитвы замерли на её устах – струя крови обрызгала палачей...

Обменявшись взглядами, палачи молча вышли из сарая. Спокойствие, с которым Юдифь встретила смерть, и её последняя молитва о них поразили жестокие, загорбелые в преступлениях сердца, сковали уста. И совесть заговорила – понутив головы, они молча удалились.

На следующий день дедушка-благовестник, находившийся в другом селении и узнавший о смерти Юдифи, пробрался рано утром, тайно от убийц, на место её гибели. Как мы уже знаем, не имея возможности похоронить убитую девушку, он попросил об этом местных жителей, которые и совершили обряд погребения. Никто из её друзей и близких не присутствовал

при этом, но Тот, для Кого она жила и за Кого умерла, присутствовал при погребении её останков и через её смерть обратился к сердцам крестьян.

– Как она любила людей! – говорили со слезами на глазах крестьяне, опускавшие её бездыханное тело в могилу. – Сколько добра она сделала в нашей местности больным и нуждающимся в помощи! При этом Юдифь не ожидала благодарности со стороны людей, ни от кого не брала за свой труд. Всегда говорила: «Мне уже за всё уплатил мой Искупитель Христос». Видно, она любила Бога всем сердцем! Ведь была еврейкой, а как почитала Христа, как горячо молилась Ему!

– Да, как говорила, так и жила: слово не расходилось у неё с делом, – заметил другой.

– Вот и книжку, из которой она всегда читала так много хорошего, держала и после смерти в своей застывшей руке! Видно, она была ей дорога! Тоже молилась перед смертью – умерла на коленях!

Крестьянин вытер при этом полость своей шубы слёзы, бежавшие по заросшим бороною щекам.

– Может, мы и её книжку положим в могилу вместе с нею? – предложил другой, уже взявший землю на лопату.

– Это правда, – согласились остальные, – вот в ней и листки облиты её кровью. Так пусть же её книжка будет похоронена вместе с нею!

– Царство тебе Небесное, милая барышня! Мы не знали тебя, кто ты была, где твоя родина! Но ты всех

нас так любила, и мы знали и видели это! – с этими словами они начали заваливать землёй могилу с опущенным в неё телом.

– Ах, если бы Бог послал к нам, грешникам, побольше таких добрых людей! – проговорил вновь со вздохом один из крестьян. – Почему так много злых, а мало добрых, и даже этих последних – убивают? Вот в нашем районе их несколько человек, и им, бедным, даже нельзя показаться сюда, чтобы похоронить свою сотрудницу. Их тоже сейчас же убили бы!

– Тихо, Фёдор, об этом ничего не говори! Кто знает, неровен час, наш разговор может быть услышан, и мы навлечём беду на оставшихся...

Земля навсегда скрывает холодное бездыханное тело Юдифи. Никто уже больше не увидит её в своей среде. Но дело любви, которое она совершала на земле, будет ещё долго жить в сердцах испытывавших эту любовь на себе. Многие видевшие и слышавшие её люди встретят и увидят её во славе Того, Которого она любила всем сердцем. Многие жемчужины будут сиять в её венце, которым будет увенчана её головка в вечности.

– Юдифь ожидала Христа – и Он пришёл за нею и взял её от земли, – сказал дедушка собравшимся после её смерти сотрудникам. – Будем же подражать её святой жизни. Да пошлёт Он взамен её ещё много таких же самоотверженных работников! Нива побелела, а делателей мало. Юдифь уже убрала свою, предназначенную ей Богом полосу. Жила мало, а делала много,

и Он отозвал её к Себе. Невеста Христа отошла к Своему небесному Жениху! А мы ещё остались здесь. Видно, для нас с вами ещё не всё окончено... Не будем же робкими и ленивыми, но с ревностью совершим предназначенное для нас дело! Нам предстоит тот же путь, и да поможет нам Сам Господь! Пусть не смущает нас, оставшихся, потеря Юдифи, пойдём дальше...

Никита Игнатьевич Салов-Астахов

Юдифь

Директор *П. Давидюк*
Ответственный за выпуск *В. Цорн*
Художник *Е. Михайлова-Родина*
Редактор *Т. Головина*
Корректор *Э. Цорн*
Компьютерная вёрстка *Т. Крук*

Свидетельство о государственной регистрации № 1 074 107 0004 023994, выдано Шевченковской районной в г. Киеве государственной администрацией 13.10.09.

Изд. № 01.543. Подписано в печать 01.06.16.
Бумага 80 гр. Lux. Cream. Формат 84x108/32.
Гарнитура: PalatinoLinotype, Palladium, TimesNewRoman.
Печать офсет. Усл. печ. л. 9,24. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 00679393.

УМО «Свет на Востоке»,
ул. Хорольская, 30, 02090, г. Киев, Украина.

Отпечатано в типографии CPI books GmbH,
Eberhard-Finckh-Straße 61, 89075 Ulm, Germany.

*Первые годы советской власти.
Еврейская девушка Юдифь
обратилась ко Христу и была изгнана
из родительского дома. От неё
отвернулись друзья, родные сестры,
её оставил жених, от неё отказались
родители. Она несла людям весть о Христе
и осталась верной Ему до конца,
даже ценой своей жизни.*
